

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛАЯ БЕТТИ
ЕКАТЕРИНА АНТОНОВА

Екатерина Антонова

Дочь драконов для змеиного князя

«Автор»

2026

Антонова Е.

Дочь драконов для змеиного князя / Е. Антонова — «Автор»,
2026

Она наследница огненных драконов. Он ледяной змей, чье пробуждение сеет хаос. Их влечение запретно, но их истинная связь — единственное, что может остановить всепоглощающую тьму, что хочет уничтожить мироздание. ИСТОРИЯ ВЛАДА ВАЛАХА И АДИЛЫ АЛЬ ЭАНИФ. Финал основного сюжета "Деток в клетке"! ХЭВ книге есть: Главный антигерой, которого будем перевоспитывать. Нежная, но сильная девушка-дракон. Эмоции на грани. Откровенные сцены.

© Антонова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	47
Глава 18	50
Глава 19	53
Глава 20	55
Глава 21	57
Глава 22	59
Глава 23	62
Глава 24	65
Глава 25	68
Глава 26	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Бетти Алая, Екатерина Антонова

Дочь драконов для змеиного князя

Глава 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗМЕИНЫЙ КНЯЗЬ

Влад

Иду по коридору замка, сапоги отбивают зловеющий четкий ритм по холодному камню. Эхо подхватывает его, умножая и рассеивая по пустому чреву дворца.

За арочными окнами, затянутыми паутиной, воет ветер. Он скребется когтями по свинцовым переплетам, но не может проникнуть внутрь.

Я один. Всегда один.

Внезапно справа распахивается тяжелая дубовая дверь. Останавливаюсь.

Не чувствую ни страха, ни удивления. Лишь холодное любопытство. Захожу.

Огромная спальня с высокими потолками.

Горят десятки свечей, их пламя отражается в позолоте рам и в полированном дереве. По центру — ложе. Огромное, просторное. Над ним кроваво-красный балдахин из воздушной ткани.

На этом ложе... она...

Нагая. Раскинувшаяся на черных шелках. Длинные, как жидкое пламя, рыжие волосы рассыпаны на подушках.

Глаза скрыты широкой алой лентой. Кожа настолько белая, что кажется, будто она светится изнутри.

По спине под рубашкой пробегает знакомый ненавистный зуд.

Все внутри меня замирает. Тревога, боль от старых ран, поселившийся под кожей страх — все растворяется, как дым.

Остается только она. Взгляд прикован к незнакомке.

От девушки исходит густой пьянящий аромат. Сладкий мед, смешанный с дурманящим кардамоном, шафраном, сандалом.

Аромат Востока и запретного наслаждения.

Она извивается, и я вижу, что хрупкое тело прикрыто лишь тончайшей алой тканью, сквозь которую проступают изящные изгибы.

Я смотрю на нее, как на величайшее творение. Идол, перед которым готов пасть ниц.

Кончики пальцев покалывает. Я жажду прикоснуться. Обвести контуры ее ключиц, провести по изгибу талии, ощутить шелк белой кожи.

И внутри пробуждается тот, кого я в себе боюсь. Зверь. Он рычит, бьется в клетке моей плоти, требует выхода. Я не помню, что это за монстр. Но его зов очень силен.

Делаю шаг к постели. Подхожу к ложу и нависаю над пленницей. Она замирает, чувствуя мое присутствие.

Ее губы — алые, сочные, чуть приоткрытые. Почему-то я абсолютно уверен: в них мое спасение. И моя погибель.

Я целую ее.

Сначала лишь касаюсь нежно, почти робко. Но затем зверь вырывается на свободу. Я впиваюсь в желанные губы, мягкие и горячие. Уже не целую, а терзаю, кусаю, чувствуя на языке медный привкус ее крови.

Пленница стонет, и этот звук срывает последние оковы. Она моя. Только моя. Почему-то я уверен в этом.

Губами скольжу вниз по ее шее, к ключицам. Прозрачная ткань соскальзывает с белой кожи. Грудь пленницы небольшая, упругая. Соблазнительные розовые соски уже тверды.

Я захватываю один из них губами, ласкаю языком. Девушка стонет громче, ее тело выгибается, руки дергаются, но их сковывают крепкие кандалы.

Обхватываю женственные бедра. Я сжимаю их, чувствуя под пальцами дрожь желания. Она разводит ноги в немом приглашении, и зверь внутри ревет от вожделения так громко, что мне приходится стиснуть зубы, чтобы не зарычать в унисон.

Но нельзя...

Я чую его. Легкий, едва уловимый аромат невинности, смешанный с ее пьянящим запахом.

С рычанием опускаюсь ниже. Целую плоский живот, внутреннюю сторону бедер, ее икры, каждый палец на ноге.

Но ее лоно...

Оно манит меня, словно запретный плод. Приникаю к нему лицом, тону в терпком аромате. Провожу языком по нежным складкам.

Девушка вздрагивает и издает пронзительный стон. Ее вкус сладкий, пряный, сводящий с ума. Уплываю, теряюсь в нем.

Хочу больше. Глубже. Но не могу. Какая-то часть меня, еще сохранившая рассудок, знает, что пока нельзя. Но жар терзает мое тело, зверь рвется наружу, требуя полного обладания.

Продолжаю ласкать ее языком, находя тот ритм, что сводит ее с ума. Незнакомка бьется в истоме, ее стоны переходят в крики.

Хрупкое тело напрягается, изгибается, и затем ее накрывает волна. Она кончает с громким срывающимся криком, орошая собой мой язык.

Щелк!

Слышу резкий металлический звук. Кандалы на ее запястьях распаиваются. И девушка исчезает.

Просто растворяется в воздухе, как мираж. Шелк подо мной холоден и пуст.

Мир вокруг начинает плыть. Стены замка искажаются, тают. Свечи гаснут одна за другой. Я чувствую резкую, сильную боль во всем теле. Слабость накатывает волнами.

Затем темнота.

Открываю глаза.

Стерильная белизна раздражает. Я сижу на холодном полу. Вокруг белые стены, больше похожие на камеру в психушке. Вены воткнуты иглы, по которым в мое тело из прозрачных пакетов стекает алая кровь.

По ту сторону стекла молодой парень в черной военной форме. Он бледнеет, его глаза распаиваются от ужаса.

Растягиваю губы в зловещей улыбке. Чувствую во рту длинные острые клыки. Провожу по ним языком.

Охотник пятится назад, разворачивается и убегает прочь.

Я потягиваюсь, разминая затекшие мышцы. В теле чудовищная слабость, запястья скованы стальными кандалами. Принимаю. Воняет серебром.

На языке танцует медовый вкус с примесью восточных пряностей. Я должен вкусить его снова! Наяву.

Резким движением я вырываю иглы из вен. Из проколов сочится алая кровь, но раны тут же затягиваются. Регенерация работает, уже хорошо.

По ту сторону камеры возникает другой мужчина. С сединой, усталым взглядом и насмешливой ухмылкой. Я его знаю... мой тезка. Глава Гильдии охотников.

— Ну здравствуй, Валах...

Саундтрек главы: Ugress, Annlaug Børshheim - The Deepest Veil

Глава 2

Адила

Распахиваю глаза. Резкий, непривычный свет на секунду ослепляет, и я зажимаю глаза, чувствуя, как все тело пронзает странная пульсирующая волна.

Я провожу ладонью по шелку белья и сквозь него чувствую влагу на своих бедрах. Теплую, липкую.

Что это было? Сон?

Он был таким реальным, но теперь от него остались лишь обрывки. Призрачное прикосновение чужих губ, медный привкус крови на языке, пьянящий запах... и чей-то образ.

Незнакомый мужчина с темными глазами, в которых бушевала буря. Я не знаю, кто он, но его прикосновение будто выжжено в моей памяти.

С трудом поднимаюсь с постели. Мышцы затекли, суставы ноют от долгого сна. Подхожу к резному шкафу из красного дерева и достаю свое любимое платье — изумрудное, струящееся, с золотой вышивкой.

С глубоким вырезом, открывающим ключицы, и разрезами по бокам, приоткрывающим бедра. Ткань прохладная и шелковистая, ласкает кожу, но не может унять внутренний жар.

Выхожу на балкон, и дыхание перехватывает. Дворец моих отцов, жемчужина Аль-Абайи, прекрасен, словно оазис. Внизу, до самого горизонта, раскинулась золотая пустыня.

Песок переливается под ослепительным солнцем, словно россыпь драгоценных камней. Небо — чистое, бездонное сапфировое полотно. Воздух горячий и сухой, пахнет жжеными травами, песком и... тревогой.

Левую руку чуть выше запястья пронзает острая жгучая боль. Яркая темная руна пылает на коже, впиваясь в плоть огненными корнями.

Все мое существо рвется куда-то вдаль, на холодный чужой север. К нему. К тому самому призрачному образу из сна. Я знаю.

Мой сон и пробуждение... все связано с ним. Но сквозь этот зов пробивается ледяная тьма.

Мой дракон, гордый и бесстрашный, вдруг сжимается от первобытного ужаса. Тот мужчина древнее моих отцов. И сильнее...

Расправляю кожистые перепончатые крылья, они с тихим шелестом ловят поток горячего ветра. Плечи покрываются золотой чешуей.

— Адила? Девочка моя, ты проснулась!

В спальню заходит моя мать. Она грациозно приближается, но в ее глазах я читаю беспокойство.

— Мама... Что происходит?

— Ты спала долго. Слишком долго, — голос мамы мелодичен, но в нем слышится сталь. — Ичи и Саид заснули беспробудным сном. Не спим только мы с Али.

Сердце замирает. Братишка... Отец... Значит, не заснули только древние?

— Мне нужно в Москву. К остальным, — выдыхаю, все еще чувствуя жгучую нить, что тянет меня через полмира к тому незнакомцу из сна, чье лицо не могу вспомнить, но чье присутствие ощущаю каждой клеточкой.

Мама тяжело вздыхает. В дверях появляется мой второй отец Али. Его драконья натура чувствуется в каждом движении, в пламени, что тлеет в глубине темных глаз.

— Мне это не нравится, милая, — рычит, его взгляд сразу же выхватывает пылающую руну на моей руке. Папа хмурится, воздух вокруг него начинает потрескивать от жара. — Эта метка...

— Это ее судьба, Али, — мягко произносит Мия, подходя ко мне и касаясь моей щеки. — Зов истинного. Его метка уже вплелась в ее душу. Разорвать ее — значит нарушить законы жизни. Ты сам знаешь, мы не имеем права о таком даже говорить.

Возвращаюсь в спальню и начинаю собираться. Снимаю платье, ощущая прохладу мраморного пола под босыми ногами. Натягиваю узкие джинсы. Грубые, чуждые здешней роскоши.

Застегиваю шелковую рубашку, пряча под ней пылающую метку. Повязываю на голову изумрудный платок, скрывая огненные пряди волос.

По телевизору в соседней комнате вещают тревожные новости. Голос диктора срывается: «...аномальное погодное явление в Аль-Абайе. Впервые за всю историю наблюдений в городе выпал снег. По всему миру фиксируются катаклизмы: замерзли озера в субтропиках, в северных широтах аномальные снегопады...»

Замираю. Это не просто так. Тьма просыпается. Дракон бьется внутри, ревет, требуя лететь. Сейчас же! Образ из сна меркнет перед лицом этой наступающей угрозы.

Папа смотрит на экран, его челюсть напряжена.

— Я взял билеты на ближайший рейс через три часа. Мы с Мией остаемся, попробуем выяснить, что за чертовщина творится здесь. Прилетим чуть позже.

Подхожу к покоям отца и брата. Саид и Ичи лежат неподвижно, словно изваяния. Я целую их в лоб, чувствуя ледяной холод их кожи.

— Вернитесь ко мне, — шепчу, и ком подступает к горлу.

Крепко, изо всех сил обнимаю маму, вдыхая ее знакомый аромат: цветы сакуры и бесконечную любовь.

— Береги себя, мама.

Папа сгребает меня в свои мощные объятия, прижимает к груди так сильно, что хрустят кости.

— Держись от него подальше, Адила. Пока не поймешь, кто он. Обещай мне.

— Я не смогу, отец, — тихо бормочу ему в плечо. — Он уже во мне. Даже если я не знаю его имени.

Водитель отвозит меня в аэропорт. Смотрю в окно на золотые дюны Аль-Абайи. Сердце разрывается.

Сажусь в самолет, и меня охватывает тяжелое предчувствие. Вероятно, я больше не увижу свой дом. Смахиваю предательскую слезу и закрываю глаза, пытаюсь поймать в памяти призрачный образ мужчины из сна.

Меня будит стюардесса. «Начинаем снижение в аэропорту Шереметьево.

Выхожу из самолета, и первый же глоток московского воздуха обжигает легкие холодом. Он плотный, влажный, пахнет бензином. Сейчас ведь август!

— Адила! Эй, смотрите, это она!

Сквозь толпу ко мне пробиваются двое парней. Егор Ярцев, молодой альфа, улыбается своей озорной мальчишеской улыбкой. Рядом с ним мрачноватый Драган Вранеш, вожак сербской стаи, темными глазами быстро оценивает обстановку вокруг.

— Рады тебя видеть, восточная принцесса, — Егор берет мою сумку. — Ехать нужно сейчас. Здесь небезопасно.

Драган молча кивает в сторону своей спортивной машины, припаркованной у выхода.

Но я чувствую зов. Вся моя сущность, каждая клеточка рвется в другую сторону, вглубь этого спящего города.

Метка на руке внезапно отзывается таким сильным зудом, что я чуть не вскрикиваю.

Он здесь. Близко. Тот самый незнакомец из сна.
И тьма следует за ним по пятам...

Глава 3

Влад

— Надо же, какие люди, — медленно поднимаюсь, холодный пол леденит босые ноги. Стальные кандалы на запястьях звенят, напоминая о несвободе. — Сам Глава Гильдии охотников. Принес мне завтрак? Если что, я люблю блинчики.

Голос звучит хрипло, будто прорвавшись через песок и время. Вкус меда и кардамона все еще танцует на языке. Сладкий и дразнящий мираж.

— Не паясничай, Змей! — рычит Влад, и в его усталом взгляде проскальзывает знакомое презрение. — Отсюда ты просто так не выберешься. По крайней мере, пока не ответишь за свои преступления!

Преступления?

Слово отзывается в висках тупой болью. Воспоминания разрозненны, как осколки разбитого стекла, но одно пронзает насквозь: я пытался спасти свою любимую!

Ее образ, расплывчатый и недостижимый, как дымка, заставляет сердце сжаться до боли. Оно словно и не бьется вовсе, замерзший ком в ледяной груди.

Моя Дева!

Она сказала мне тогда, что я найду свою судьбу. Только вот я не хочу! Не нужна мне чужая судьба, когда моя собственная разбита.

Черная знакомая ярость поднимается из самой глубины, мощной волной несется по телу. Воздух вокруг холодеет, и на кончиках пальцев рождаются крошечные, но острые сосульки.

— Это которые? — скалюсь, обнажая длинные клыки. Резко дергаю рукой, и хрупкая сталь покорно расходится, освобождая запястья, осыпаясь на пол мелкой звенящей пылью. — Тебе нужно лучше следить за тем, из каких материалов производите кандалы. Небольшое понижение температуры, и они стали бесполезны. Смени поставщика.

Глава Гильдии ухмыляется, но в его глазах нет ни капли удивления.

— Думаешь, я рассчитывал, что они тебя сдержат?

— Тогда зачем этот цирк? — голос срывается в низкое звериное рычание. Каждая клетка моего тела требует действия. Требуется найти ее, ту, что явилась во сне. — Выпусти меня...

— Зачем? Чтобы ты побежал к своему господину целовать ему пятки?! — он резко подходит к прозрачному стеклу, ладонь ложится на рукоять пистолета. — Мне нужна информация, Валах! И как можно скорее! Мороз наступает, две цепи уже разорваны...

Две цепи?

Слова, будто раскаленное железо, выжигают клеймо в сознании. Виски пронзает адская боль. Настолько сильная, что я пошатываюсь, не в силах удержать равновесие.

Перед глазами, сменяя друг друга, мелькают картинки: ледяной гроб, который я чувствую всем телом, ужасающее шипение, жгучая вселенская ненависть, разрывающая душу на части, и девчонка в белой сорочке, с длинными белыми волосами.

Хватаюсь за голову, клыками впираюсь в нижнюю губу до крови. Медный привкус на языке смешивается с призрачным вкусом меда.

А следом вижу ледяные бездонные глаза и жуткую всевидящую ухмылку. Слышу оглушительный рев раненого зверя. Мой ли это крик? А затем... тишину... Бездонную, абсолютную, поглощающую все.

Проваливаюсь в темноту...

Открываю глаза. Главы Гильдии уже нет. Я лежу на холодной кушетке, в венах снова торчат трубки, по которым в меня медленно вливается чужая алая кровь. С рычанием вырываю иглы, едва не падая на пол. От слабости подкашиваются ноги.

Что за ерунда? Кто эта девушка? И какое отношение ко всему этому имеет тот, чье имя я, кажется, должен помнить?

И зачем я здесь? Последнее, что всплывает сквозь туман памяти — это мои заклятые «друзья» братья Медведевы, что едва не порвали меня на части. И она... Кристина. Девчонка, впитавшая в себя мою Деву. Она должна была вернуть её, но...

Я облажался. Позволил себя поймать. Черт!

Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на прохладную кожу кушетки. Виски пульсируют адской болью, стискиваю их пальцами, пытаюсь выдавить хоть крупицу ясности.

Вспомни...

Чужой женский голос звучит внутри, и от него боль отступает, словно испуганный зверь. Что вспомнить? Да мне даже думать больно, мать вашу! Каждая мысль — словно удар по натянутым струнам внутри черепа.

Мне нужно выбраться отсюда. Во что бы то ни стало вернуться в городок N... Отомстить. Отобрать душу моей Девы у той, что ее не заслуживает.

Злость поднимается из самой глубины тупой неукротимой волной. Она словно чужая, навязанная извне, но сжигает меня изнутри. Я не чувствую себя целым. Внутри будто разбитое зеркало: острые осколки впиваются в душу, и из каждого пореза сочится тоска.

Одиночество.

Отчаяние.

Они заполняют меня, не оставляя места ни для чего другого. Душат, не дают дышать. Не то что думать.

Мечусь по камере, как раненый зверь.

Вспомни...

Сжимаю челюсти до хруста. Этот навязчивый шёпот сводит с ума. Чей он?.. Неужели... её?

Перед глазами внезапно мелькает огненный водопад волос, а в уши врываются жаркие влажные стоны. Я вскакиваю, пошатываясь, мир плывет. Спина начинает дико зудеть. Я знаю, что это и старательно игнорирую.

Я принадлежу лишь Деве. И если она растворилась в небытии, то и мое место там же. Больше мне не за что цепляться в этом мире.

— Влад.

Из коридора доносится хриплый голос. Я резко оборачиваюсь.

В проеме стоит парень в кожаных штанах, в обтягивающей черной футболке. Его лицо покрыто татуировками, в ушах и носу поблескивают массивные кольца. Что за уродец явился?

— Ты кто такой? — хмурюсь, и голос звучит хрипло, выдавая всю накопленную усталость и злость.

— Тот, кто пришел тебя освободить.

Глава 4

Адила

— Рад, что ты проснулась, Адила, — широкая и обаятельная улыбка Егора на мгновение рассекает мрачную, тревожную атмосферу. — Твои родители очень переживали, что ты не очнешься.

Отстраненно хмыкая, уставившись в окно. Царство серости. Бесконечные многоэтажки, сырость, прилипающая к стеклу, и грязь, черной изморосью лежащая на асфальте.

На календаре август, а такое чувство, что уже ноябрь.

Совсем не то, что знойное марево и золотые дюны Аль-Абайи, где солнце было не просто источником света, а частью души.

Здесь же оно словно выцвело, оставив после себя лишь холодное блеклое пятно на свинцовом небе. По спине пробегает неприятный холодок чужеродности. Тяжесть, что давит на плечи, пытаюсь выдавить меня с этой земли.

Словно кто-то очень могущественный, управляющий самой природой, не хочет, чтобы я здесь находилась.

Хотя я с детства навещала дядю Вука и тетю Мару, дружила со своими ровесниками (ну почти), местными оборотнями.

Я свободно говорю на трех языках: арабском, русском и японском, но сейчас это не имеет значения. Язык, на котором сейчас говорит эта земля — это язык холода и тоски.

— Папа и Ичи тоже заснули, — произношу тихо, но уверенно, чувствуя, как в зеркале заднего вида на мне фокусируется тяжелый взгляд Драгана.

— Да? — его голос низкий, с легкой хрипотцой. — У нас тоже потери. Моя мать... — Взгляд его на мгновение темнеет, становясь непроницаемым, челюсть напрягается. Но Вранеш, как всегда, берет себя в руки, сжимая пальцы на руле. — Много чего случилось с момента похорон отца.

Дядя Вук...

Именно там, на похоронах отца Драгана, меня и настиг тот зов. Ледяной, пронизывающий до самых костей, он вполз в сознание, а потом... ничего. Помню только прохладу простыней и странное оцепенение, сковавшее тело, будто меня опутали невидимыми нитями.

А потом пришел он...

И совершил нечто немыслимое. Его прикосновения, чужие и наглые, обжигали кожу. Поцелуи, влажные и жадные, заставляли трепетать и отчаянно желать большего.

Боги! Щеки пылают от стыда, стоит лишь вспомнить, как отозвалось мое собственное тело. Ярко, отчаянно.

Но именно после этого наваждения я и проснулась. Задираю рукав шелковой рубашки. Гляжу на яркую метку, отчаянно тянущую меня прочь из машины...

— Ого! Истинность! — восклицает Егор, и в его голосе слышится неподдельный, почти мальчишеский восторг. — Добро пожаловать в клуб, Адила!

Тяжело вздыхая, снова прячу руку. В отличие от парней, моя ситуация словно насмешка судьбы. Мой истинный не просто чужак. Он преступник. Убийца. Существо жестокое и беспринципное, слуга того, чье имя наводит ужас. Нашего врага.

И все же... вся моя сущность, каждая клеточка тянется к нему с неумолимой силой. Кажется, стоит мне сейчас выпрыгнуть из машины, и крылья сами понесут меня сквозь этот серый лабиринт, ведомые незримой жгучей нитью.

А без него... без истинного метка неприятно саднит и ноет, словно незаживающая рана, напоминая о своей неполноценности.

— Я бы не стала так радоваться, Егор, — прищуриваюсь, стараясь скрыть горечь в голосе. — Мой истинный — наш враг. И что с этим делать, я пока не придумала.

— Я бы не стал называть Валаха врагом, — успокаивающе, как старший брат, произносит Драган, не отрывая глаз от дороги. — Влад, конечно, не подарок, но именно он помог нам разобраться с цепью. И не раз выручал в других передрыгах...

Поджимаю губы, чувствуя, как в груди что-то сжимается.

Влад Валах. Даже имя у него красивое, обволакивающее, опасное.

И предательское сердечко отвечает на него стремительным кульбитом. Вот она, жестокая ирония. Времена темные, мир замерзает, а я трепещу от одного имени того, кого видела лишь в смутных стыдных грезах.

— Марьяша будет очень рада тебя видеть, — голос Драгана, обычно ровный и сдержанный, смягчается, когда он произносит ее имя. — Поживешь у нас, не против?

Взгляд скользит по его руке на руле и задерживается на пальце. На нем простое, но изящное кольцо из темного металла.

— Вы наконец-то поженились? — восклицаю, и на мгновение тяжесть в груди рассеивается, сменяясь искренней радостью за них. — Больше не бегаете друг от друга? А твой малыш, Егор...

Атмосфера в машине мгновенно стужается. Альфа центральной стаи замирает. Его плечи напрягаются, будто я невольно задела открытую рану. Он долго молчит.

— Настя в порядке и наш сын тоже, — наконец произносит он, слова явно даются ему с усилием. — Но мои родители... и моя сестренка...

Вдоль позвоночника ползет холодный липкий страх. Я уже знаю, что он скажет дальше.

— Они спят, как и мой отец... и брат... — тихо подтверждаю я.

— Многие заснули за этот месяц, — в разговор вступает Драган. — И мы не можем понять, кто следующий. Нет никакой системы... Словно он... выключает нас по одному, смеется над нами.

Его голос переходит в низкое угрожающее рычание. Слово «Мороз» висит в воздухе, не произнесенное, но осязаемое, как ледяное дыхание за спиной.

Добрый дедушка из сказок обернулся кошмаром. Существом, жаждущим истребить весь наш род. И в этом он страшно похож на моего деда — дракона Кадира, оставившего после себя кровавый след.

Мы подъезжаем к большому деревянному особняку, знакомому до боли дому Мары и Вука. Он стоит, словно островок тепла и воспоминаний в ледяном море реальности.

— Вы теперь живете тут? — спрашиваю, выходя из машины. Егор молча подхватывает мои сумки.

— Да, — кивает Драган. — Марье тут нравится, а жить с родителями... — он заканчивает фразу многозначительной паузой.

— Они с Дэном поубивают друг друга, — резюмирует Егор, с улыбкой похлопывая друга по плечу.

И в этот момент, глядя на них, я ощущаю колющее, острое одиночество. Оно пронзает меня насквозь, возводя тонкую, но непреодолимую ледяную стену между мной и остальными.

Они стая, сплоченная общей бедой.

А я совсем другая. Мой дед был их врагом. И истинный...

Но тут распахивается дверь дома.

— Вы приехали! — раздается до боли знакомый звонкий голос лучшей подруги.

Вся моя тоска мгновенно рассеивается.

— МАРЬЯША! — забываю обо всем на свете и бросаюсь к ней.

Но внезапно со стороны дома раздается сильный грохот...

Глава 5

Адила

Марья резко оборачивается, и кровь отливает от ее лица. В тот же миг на нас обрушивается шквал ледяного ветра, который не просто холодит кожу. Он пронизывает до самых костей, замораживая душу.

Я срываюсь с места, инстинктивно бросаясь за подругой в дом. Егор и Драган следуют за мной.

— О нет... Гордей... — Марья падает на колени перед бездыханным на первый взгляд телом брата.

Но я не чувствую запаха смерти. В воздухе висит лишь зловещая тишина. Гордей лежит в неестественной позе, глаза закрыты. Губы почти белые.

— Он тоже? — глухо произносит Драган, обнимая Марьяшу за плечи. В этом жесте столько нежности и поддержки, что у меня сжимается сердце.

В голову закрадывается мысль, что я бы очень хотела ощутить объятия истинного. Но все сложно... боги, как же сложно!

— Заснул, — констатирует Егор, и в его разноцветных глазах вспыхивает гремучий коктейль из ярости и бессилия.

— Есть ли в этом система, или он просто издевается над нами? — сдавленно шепчет Марья. Она выглядит уставшей. Синяки под глазами, кожа бледная...

Или причина не только в усталости? В памяти всплывают слова матери о том, что подобное состояние бывает и при...

— Адила, — подруга с надеждой смотрит на меня, — ты что-нибудь чувствуешь?

— Только холод, — отвечаю, поеживаясь. Внутри недовольно рычит моя драконица. Ей нет дела до спящих, она жаждет найти своего истинного. Но сейчас у нас проблема куда серьезнее, и ей придется потерпеть. Делаю шаг к Гордею. Он бледен, но на его красивом лице странное, неестественное умиротворение. Грудь молодого медведя высоко вздымается.

— Мне кажется, — тихо произношу, пока Драган и Егор с усилием поднимают тяжелое тело и переносят его на диван, — система все-таки есть.

Подхожу к своей сумке, которую Егор оставил у дивана. Достая блокнот и ручку. Расчет и логика — единственное, за что можно ухватиться в этом хаосе.

— Итак. Что мы имеем? — начинаю, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и не дрожал. — Когда я проснулась, мама и папа сказали, что Ичи и папа Саид заснули. Мама и папа Али — нет. Вывод?

— Древние не спят, — выдыхает Марья.

Киваю. Рисую два столбца и вношу в них имена. Если визуализировать катастрофу, разложить ее по полочкам, может, мы сможем оценить ее масштаб и найти хоть какую-то зацепку.

— Гриша Шахов и Алина тоже спят. Наиль — нет. Он не Древний, но он темный шаман.

— Без стаи, — мрачно замечает Драган.

— Что отличает его от остальных? — настаиваю я.

— Когда я была в ледяном дворце, то нашла комнату, где Мороз держал Наилья, — задумчиво тянет Марьяша. — Возможно, второй раз туда не попасть?

— То есть сон — это не сон, а плен души в ледяном дворце? — у меня перехватывает дыхание. Мысли складываются в ужасающую картину.

— Это наша теория, — подтверждает Драган. — Мороз заключает пленников в комнаты и держит их там.

— Но зачем... — замираю, пытаюсь осмыслить этот леденящий душу замысел.

— Мы не знаем! — рычит Егор, и его гнев вырывается наружу. — Все, что у нас есть — лишь догадки! Одни догадки! Никакой конкретики! А тем временем наши друзья, близкие просто засыпают один за другим!

— Успокойся, — говорю строго, хотя у самой по спине бегут мурашки. — Своим гневом ты не поможешь, только выгоришь изнутри. Теория — это уже что-то.

— Но меня не покидает чувство, будто это все лишь его игра, — стонет Марья, закрывая лицо руками. — И мы, как хомячки в колесе, бегаем по кругу и ничего не можем понять. Лишь то, что он разрешает узнать! Это сводит с ума!

Я чувствую их отчаяние. Оно витает в воздухе, сковывая мысли, мешая думать трезво. Трясу головой, прогоняя эту безысходность.

— Я тоже спала во дворце, — тихо признаюсь, и взгляды друзей устремляются на меня. — Но не в ледяном. В каком-то другом... готическом. Там были свечи, горгульи, статуи и огромная кровать. Помню лишь это...

— Как ты проснулась? — в голосе Марьи вспыхивает надежда.

Я выпрямляюсь, и в этот момент метка на руке вспыхивает жгучим, почти невыносимым зудом, подтверждая мои слова.

— Меня спас истинный, — заявляю твердо, и в груди что-то отзывается на эту мысль сладкой дрожью.

Ох!

— Валах? — Драган и Егор переглядываются.

Я молча киваю, сжимая пальцы в кулаки, чтобы они не дрожали.

— Ясно. Змей спас свою пару, это логично, — Марьяша массирует виски, будто пытаюсь унять головную боль. — Но почему дворец был другой? Значит, Адилу туда запер не Мороз?

— Вероятно, — коротко, нервно хмыкаю. — Но речь сейчас не обо мне.

Машинально отстраняюсь, словно это может отделить меня от кошмарной реальности. Так проще дышать. Немного легче думать, пока мир рушится.

— Так. Егор, твои родители тоже заснули, — с нажимом черкаю их имена в столбике «сон». — Но Настя и малыш в порядке. Они точно не древние. Значит, моя теория не верна...

Мы погружаемся в гнетущее молчание. Оно висит в воздухе, холодное и пресное. Каждый вязнет в своих тревожных мыслях. И вдруг телефон Драгана издает такую громкую трель, что мы все вздрагиваем.

— Да? — волк отвечает на звонок, его большая ладонь ложится на плечо Марьи.

Она сидит рядом со спящим Гордеем, беспомощно опустив голову.

— Когда? Ты уверен, Влад? Ладно... Я понял.

Вранеш отключается. Нервно вертит в пальцах трубку, затем впивается в меня серьезным взглядом. Свободной рукой зарывается в густые темные волосы.

— Он проснулся? — выдыхаю, голос предательски срывается.

Драган кивает.

— Ясно, — опускаю взгляд, впиваюсь глазами в идеально чистый паркет.

Мой истинный очнулся. После шестнадцати лет ледяного сна. Моя драконица взрывается внутри ликующим ревом. Бьется о ребра, требует вырваться на свободу.

Лететь к нему! Сейчас же!

Но я изо всех сил сдерживаю ее. Пытаюсь задавить эту слепую эйфорию, что волной накатывает и на меня.

Метка на запястье пылает, тянет к истинному невидимой раскаленной нитью. Зовет, манит... Но я...

— Мне страшно, — слова помимо воли срываются с губ, и я закрываю лицо ладонями, пытаюсь спрятаться от всего мира.

— Адила, — Марья резко встает и крепко, по-дружески обнимает меня. — Он не посмеет тебя оттолкнуть. Не сможет. Это не в его силах. Влад спал много лет, и теперь ему нужна ты. А тебе нужен он.

— Глава гильдии сказал, что Валах пока под надзором, — хрипло произносит Драган. — И выпускать они его не планируют.

БАМ!

Глухой удар в окно сотрясает воздух. За ним еще один... и еще... Частые, яростные, словно в стекло бьется сама тьма.

Драган распахивает плотные шторы, и мы все разом замираем в ужасе...

Глава 6

Влад

— Повторяю свой вопрос: ты кто такой? — хмуро гляжу на этого фрика с пирсингом. Каждая мышца в теле напряжена. Нервы, как стальные канаты.

Он осматривается по сторонам с ледяным спокойствием, затем невозмутимо сует руку в карман и достает пластиковую ключ-карту. Раздается короткий мерзкий писк, и тяжелая стеклянная дверь камеры с тихим шипением отъезжает в сторону.

— Шутишь? — вырывается у меня. После всего этого цирка с кандалами и переливанием крови, такой примитивный замок?

— А похоже? — тонкие, пробитые кольцами губы парня растягиваются в кривой жутковатой ухмылке.

Делаю шаг из клетки. В нос бьет запах затхлости, пыли и безысходности. Но он кажется мне до боли знакомым. Словно вспышка в голове проносится мысль: просто раньше ты был по другую сторону клетки.

Мышцы сводит от долгого бездействия, все тело деревянное, словно не мое. С хрустом расправляю плечи. Потягиваюсь, чувствуя, как под кожей шевелится древняя сила.

— Думаю, нам нужно уходить, — безразлично произносит лысый, — скоро его могут хватиться.

— Кого? — автоматически спрашиваю, но тут мой взгляд цепляется за неподвижные ноги в грубых военных ботинках, торчащие из-за угла соседней камеры.

Осторожно подхожу и заглядываю туда. Тот самый пацан в форме, что с таким ужасом смотрел на меня сквозь стекло, теперь мирно дрыхнет за прозрачной ширмой. На его лице блаженная идиотская улыбка, аж слюнки стекают по подбородку.

Боги... Какая мерзость...

— Он жив, если что, — лысый, не глядя на меня, поднимает с пола потертый армейский рюкзак.

Он роется в нем, достает обычный ключ, не глядя, сует его в карман. Ведет себя так, будто мы друзья-приятели. Словно не знает, на что я способен. Беспечность? Или самоуверенность?

— Думаешь, мне есть дело до этого охотничка? — саркастически выгибаю бровь. — Меня интересует другое...

Вмиг оказываюсь перед лысым. Молниеносная реакция все еще при мне. Хорошо. Хватаю его за горло и с силой вжимаю в гладкую бетонную стену.

Сверху мигает тусклая лампочка, отбрасывая пляшущие тени. Гляжу в серые глаза и внезапно осознаю... что знаю его. Словно яркий отголосок в памяти. Он вспыхивает и исчезает.

А этот ублюдок совершенно спокоен. Смотрит на меня, не моргая. Бровью не ведет.

— Кто ты такой? — цежу сквозь зубы, чувствуя, как кончики пальцев леденеют от ярости.

Его кожа под моей рукой напоминает труп. Холодная, жесткая, словно пергамент. Сжимаю сильнее.

Злость переполняет, льется через край, замораживая воздух вокруг.

Сколько столетий я Змей, а так и не научился полностью держать в узде этого зверя. Словно он не мой...

— Я...

— Имя! — рычу, и эхо разносит мой рык по пустынному коридору темницы.

— Ра... Горан, — выдыхает парень, и в его глазах впервые проявляется живая эмоция. Глубокая, всепоглощающая тоска. Печаль, от которой температура вокруг падает еще на пару градусов. Он сказал «Ра»?

— Не знаю никого с таким именем. Кто тебя отправил сюда? — внезапно меня пронзает очевидная догадка. — Ты слуга Мороза? Пришел меня вернуть?

— Нет, — так же спокойно отвечает он. — Я твой слуга.

— Какого черта... — начинаю, но тут до ушей доносится приглушенный гул голосов. Кто-то спускается в темницу. — Ладно, Горан. Сначала выберемся, а потом ты расскажешь, кто тебя послал и зачем.

Отпускаю засранца, с силой встряхиваю его. Он лишь поправляет футболку. Совершенно невозмутимый, словно не спасает древнее и опасное существо, которое шестнадцать лет провело в темнице.

Мы движемся по узкому, плохо освещенному коридору. Горан ведет себя бесшумно, словно тень. Ключ-карта в его руках открывает одну дверь за другой. Воздух пахнет машинным маслом и цементной пылью. Служебный ход.

Внезапно парень замирает, поднимая руку. Я прижимаюсь спиной к холодной стене, затаив дыхание. Хотя мне отчаянно хочется вонзить в кого-нибудь клыки. Из-за угла, всего в паре метров от нас, доносятся голоса.

— ...проверить блок Б. Говорили, там скачок напряжения.

— Опять эти старые провода. Пошли быстрее, замерз тут стоять.

Шаги приближаются. Кровь в жилах словно замерзает. Каждый удар замедляющегося пульса отдается в висках. Зверь внутри насторожился, замер в ожидании броска. Горан не двигается.

Охранники проходят буквально в двух шагах, их спины мелькают в проеме соседнего коридора. Они даже не повернули головы. Выдыхаю, ощущая разочарование.

Где-то внутри меня копошится зло. И оно жаждет крови.

Кровь...

Вспомни!

Нежный женский голос рассеивает тьму. И это не моя Дева...

Продолжаем путь. Впереди тяжелая массивная дверь с электронным замком. «Служебный выход. Посторонним вход воспрещен».

Горан прикладывает карту. Индикатор загорается красным. Он хмурится, пробует еще раз. Снова красный.

— Проблемы? — шиплю. Зуд в спине становится невыносимым.

Внезапно со стороны главного коридора раздается резкий пронзительный вой сирены. Ее вибрация сотрясает стены. Ну вот и все. Охотники заметили пропажу.

Горан с силой бьет по считывателю картой. Индикатор мигает и на секунду загорается зеленым. Со скрежетом и лязгом, будто нехотя, массивная дверь открывается.

— Бежим! — кричит он, с силой толкая створку.

Мы вырываемся наружу. Вдыхаю свежий аромат холодной ночи. Позади слышатся крики и тяжелые шаги. Впереди высокий забор с колючей проволокой. А за ним — свобода.

Горан кивает в сторону едва заметной щели между пролетами, заваленной мусором.

— Здесь!

Пролезаем по очереди. Рваная проволока цепляется за одежду, царапает кожу. Сзади уже слышны выстрелы.

Дальше лес. Среди деревьев вижу мотоцикл. Горан быстро забирается в седло, поворачивает ключ. Двигатель с хриплым кашлем заводится.

Замираю на секунду. Довериться этому... существу? Сесть с ним? Я могу просто убить его и полностью освободиться. Но мысль о том, что этот фрик умрет, отпечатывается в мыслях тянущей тоской.

Вой сирены нарастает, превращаясь в оглушительный рев. Свет фонарей уже выхватывает из темноты наши фигуры.

Выбора нет.

Я резко перекидываю ногу и плюхаюсь за Гораном. В ту же секунду мотоцикл срывается с места. Ладно...

Сейчас у меня есть задача поважнее...

Глава 7

Адила

— Отойдите от окна! — рычит Драган, инстинктивно закрывая собой Марью. — Это вороны! Целая стая!

Подруга бросается к брату.

— Что? Птицы? — Егор напряженно глядит в окно, и лицо волка мгновенно бледнеет. — Ёб твою... Да они с ума сошли...

БАМ!

БАМ!

БАМ!

Сердце на мгновение замирает. Его словно сжимает чья-то холодная ладонь. Неистовый яростный стук в стекло нарастает, сливаясь в оглушительную какофонию.

Стекло дребезжит, пытаясь сдержать жуткую стаю, но раздается характерный звук, и окно рассыпается на тысячи осколков.

В гостиную врывается стая ворон. Они каркают и беснуются, словно живая стая тьмы.

Время словно замедляется. Драган и Егор отбиваются от птиц, не успевают защитить Марьяшу и Гордея.

Молниеносно расправляю крылья. Бросаюсь вперед, чтобы прикрыть собой своих друзей.

Воздух наполняют свист десятков крыльев и пронзительное злое карканье. Оно впиивается в мозг, лишая воли.

Острые, как бритвы, клювы впиваются в перепонки крыльев, и я сжимаю зубы, чтобы не закричать от жгучей разрывающей боли.

— Боги... — перепуганный шепот Марьяши тонет в хаосе.

Жуткое зрелище, словно сошедшее с полотен самого Судного дня! Птицы бьются о стены и потолок. С безумной яростью рвут обивку мебели. С грохотом швыряют на пол посуду.

И падают замертво. Их бездыханные тела устилают пол черным ужасающим ковром.

Снаружи доносится яростное рычание двух волков, рвущих пернатых исчадий. Но сквозь боль до меня доходит осознание: это не просто птицы. За ними стоит леденящая тьма. Чей-то злоеший замысел.

Они не остановятся. Их задача: измотать, ранить, испугать нас.

Собрав волю в кулак, преодолевая боль, я размыкаю губы. Слова древнего заклинания, найденного в пыльных свитках служанки Мадины, вырываются наружу:

— Бисми джамри-т-тинанини-ль-кадим! Я уля-н-нари, исма'у ду'ай! Ли-тахмияни бидар'ин мин ляхаб! (Именем древних драконов! О, владыки огня, услышьте мой зов! Защитите нас доспехом из пламени!)

Тепло, рождающееся глубоко внутри, стремительно разливается по венам, становясь всепоглощающим жаром. Кожа наливается огнем, будто раскаленный металл.

— Уа ли-тахрик хазихи-ль-хаяляти би-н-нар! Ихтаррик! Избах! Ирхаль! (Сожги эти тени огнём! Сгни! Исчезни! Уходи!)

Воздух трепещет, вибрирует. Одна за другой вороны вспыхивают, словно факелы, испускающая дьявольский пронзительный визг, от которого кровь стынет в жилах. Мы с Марьей инстинктивно зажмуриваемся, в нос бьет тошнотворный смрад гари и паленых перьев. Мерзкий влажный шлепок об пол... еще один...

— Всё... — хрипло прорывается сквозь тишину голос Егора. — Кажется, всё.

Пытаюсь сложить крылья, но одно не слушается, отвечая на попытку двинуться волной ослепительной огненной боли. Ох!

Марья, вся бледная, измученная, помогает мне встать на ноги.

— Ты спасла нас, Адила... — ее голос дрожит от пережитого ужаса. — Как ты... что это было за заклятие?

Но ответить я не успеваю. Внезапная раздирающая боль пронзает спину, заставляя тело выгнуться.

— Ай! — срывается с губ непроизвольный крик.

Чувство, будто все кости ломаются разом, сменяется всепоглощающим, ледящим душу холодом. А затем я чувствую Зов. Безумный, неумолимый, плетью бьющий по нервам. Ему невозможно сопротивляться.

— Мне... мне надо, — захлебываясь, падаю на колени, ползу к выходу, не в силах совладать с телом.

— Адила, нет! — сильные руки Драгана подхватывают меня. Его лицо рассечено кровавыми царапинами. — Тебе нельзя. Я отнесу тебя наверх. Марьяш, аптечку!

— Мне надо! — вырываюсь, и метка на руке вспыхивает таким жгучим зудом, что хочется содрать кожу до мяса. Я беспомощно повисаю в объятиях друга, понимая всю глубину своего отчаяния.

Мне нужен он. Только он. Мой истинный. Этот зов сводит с ума, лишая воли и разума.

Меня укладывают на мягкую постель в гостевой комнате.

— Вот... я ее для тебя приготовила, — Марьяша старается говорить уверенно, даже весело, но в ее голосе слышится тревога.

Драган уходит, бросив на меня хмурый взгляд.

Я обнимаю себя руками, пытаюсь справиться с неконтролируемой дрожью, пробирающей до костей. Взгляд падает на запястье. Метка выглядит как обычно, но кажется, будто это раскаленное клеймо, которое медленно вгрызается в плоть.

— Зов истинности? — Марьяша присаживается на край кровати, доставая небольшой глиняный пузырек. От него тут же разносится едкий травяной запах.

Я морщусь, но киваю.

— Давай сюда крыло, — подруга мягко улыбается, пытаюсь меня подбодрить, и осторожно берет в руку мою поврежденную перепонку.

— Ауч...

— Понимаю. Это специальный сбор. Он работает быстрее нашей регенерации. Сейчас все заживет.

— Спасибо... — выдыхаю.

— Тебе спасибо. Ты нас всех спасла, — улыбка Марьи теплая, но в глазах подруги я читаю тень какой-то глубокой, спрятанной грусти. — А я ничего не смогла сделать.

— Почему? — тихо спрашиваю.

Марьяша отводит взгляд, пальцами нервно теребит край одеяла. В воздухе повисает тяжелое молчание. Затем она кладет ладонь на свой живот.

— Да ладно?! — вскрикиваю. — Ты... от Драгана?!

Марьяша кивает, и по ее лицу разливается густой алый румянец, который красноречивее любых слов.

— Видимо, папочка еще не в курсе? — выгибаю бровь. — Когда планируешь рассказать?

— Не знаю, — Марья качает головой, и ее взгляд снова становится потерянным. — Это очень не вовремя. Мир рушится, а я...

— Почему? Наоборот! — восклицаю. — В такой тьме нам как раз и нужен свет. Новая жизнь! Это же чудо!

Но глаза подруги наполняются такой бездонной тоской, что все слова поддержки застревают в горле.

— Есть кое-что... — шепчет она. — После того, как я узнала, что жду ребенка... я перестала слышать богиню...

Глава 8

Влад

Вокруг творится какая-то чертовщина. Сижу позади этого уродца Горана, и мотоцикл несется по абсолютно пустынному шоссе.

Серое небо, плотное и низкое, нависает над головой. Тучи грязные, тяжелые, безнадежные. Кое-где на обочине лежит снег.

Уже ноябрь, что ли?

Мы едем минут двадцать и не встретили ни одной машины. Ни души.

Заглядываю внутрь себя. Это стало привычкой за долгие годы. Проверять, на месте ли цепи, слышен ли зов. И вдруг я обнаруживаю пустоту.

Пока спал, зов Мороза исчез. Я больше не слышу его ледяной шепот в глубине сознания. И моя собственная тьма, что копилась веками, молчаливо ждет где-то в глубине.

Ее словно что-то отгоняет. Какой-то купол из света? Или... огня? Это рождает во мне странное, непривычное ощущение теплоты. Я не привык к такому...

Холод — мой постоянный спутник.

Мы с моим странным спасителем мчимся по этому безжизненному шоссе, и меня охватывает тоска. Глухая, всепоглощающая. Она буквально выедаёт душу. И еще навязчивое ощущение дежавю. Словно я уже видел этот унылый умирающий пейзаж.

Наконец въезжаем в город. Но от этого становится только хуже.

Город-призрак. Окна в серых панельных многоэтажках зашторены или зияют черными слепыми глазницами. Непонятно, какое сейчас время суток. Свинцовый смог скрывает солнце. Царят вечные серые сумерки.

Воздух холодный, влажный, пахнет гарью и холодом. Ни ветерка. Ни звука. Только рев мотора нашего мотоцикла.

Жутковатая, леденящая душу атмосфера давит на плечи, заставляя учащенно биться сердце. Даже мне, Змею, это кажется ненормальным. Хотя я видел всякое...

Горан сворачивает в спальный район и останавливается у одной из многоэтажек. Слезаю с мотоцикла. Осматриваюсь. Детская площадка перед домом пуста. Качели замерли. Песочница завалена грязным снегом.

Жуткое зрелище.

— Пойдем. Я снимаю тут квартиру, — безразличным тоном говорит Горан. — Чтобы переждать.

— Мне нужно обратно, — жестко говорю. — В городок N. Кое-кому отдать должок.

Братья Медведевы. И она... Кристина. Они лишили меня моей Девы. Превратили в ничто. Черная знакомая ярость подкатывает к горлу. Спина начинает пылать под рубашкой.

И в то же время глубокая, неведомая часть меня ощущает зов. Словно невидимая нить натягивается, уводя за город. Кто-то зовет. Я знаю кто...

С силой трясую головой. Я отрицаю истинную связь. Давным-давно отрекся от нее, когда стал слугой Мороза. Ледяной змей, раб без воли.

А теперь я обрел свободу и не позволю сковать себя снова. Никакими узами. Так что истинной, кем бы она ни была, придется забыть о всепоглощающей любви.

Но боль и тяга становятся только сильнее. Въедаются в мозг, терзают тело.

Горан идет в вонючий подъезд, я следую за ним. Квартира на третьем этаже. Обшарпанная двушка без намека на ремонт. Пахнет пылью и одиночеством. Ну да ладно. Не впервой.

И тут меня настигает яркий образ...

Алые простыни. Десятки свечей, чье пламя отражается в позолоте. И она... Раскинувшаяся на черных шелках. Длинные рыжие волосы рассыпаны на подушках.

Кожа настолько белая, что кажется фарфоровой, светящейся изнутри. Глаза скрыты алой лентой. Губы алые, сочные, чуть приоткрытые, манят, как самый запретный плод.

По спине пробегает знакомый ненавистный зуд. Все внутри замирает, а затем взрывается желанием.

Я жажду провести по изгибу талии, ощутить под пальцами мягкость девичьих бедер. Проснувшийся зверь бьется в клетке, требуя покрыть самку.

Ее губы под моими... сначала нежно, а потом...

С силой сжимаю виски, пытаюсь прогнать наваждение. Черт! Тело ярко реагирует на воспоминание. Кровь стучит в висках, стекает в пах, а там...

— БЛЯДЬ!

Горан замечает мои мучения. Взгляд серых глаз скользит по мне.

— Что-то не так?

— Все хорошо, — рычу. Мне нужно успокоиться. Иду в ванную.

Все здесь обшарпанное, старое. Пахнет сыростью и плесенью. Дышу тяжело, сердце колотится, как бешеное.

Стираю ладонью пыль с потрескавшегося зеркала и смотрю на свое отражение. Бледное лицо, впалые щеки, темные глаза. И клыки... Длинные, острые.

Зуд в спине становится невыносимым, жгучим.

— Я не сдамся... — шиплю своему отражению. — Никто больше не сделает меня рабом!

Но внутри я словно сгораю. От боли и дикого неконтролируемого желания. От безумной тяги, что выворачивает душу наизнанку. Срываю рубашку, ткань расходится по швам. Резко поворачиваюсь спиной к зеркалу и застываю.

На лопатке пылает метка. Сложная, изящная вязь. Арабская. Чуждая. Я ненавижу ее всем нутром, хотя и не помню почему.

С ревом бью кулаком по раковине. Она с грохотом разлетается на куски. Ловлю свое отражение. Глаза горят адским белым огнем. Впечатываю кулак в зеркало. Осколки остаются в коже.

Боль опалает, но раны тут же заживают.

Дверь с треском распаивается. На пороге Горан, его невозмутимость наконец-то трескается.

— Влад! Успокойся!

— Мне нужно уехать! — рычу, исподлобья глядя на него. Дико, по-звериному. — В городок N. Подальше отсюда... От нее... Устроишь? Или мне убить тебя, а потом ехать самому?

— Ты не растерял чувства юмора, — произносит со странным теплом в голосе. — Повернись.

— Нет, — выпрямляюсь.

— Я знаю, что тебя терзает. Истинная связь? Где метка?

Молча, почти против воли, жестом указываю на спину.

— Не сопротивляйся. Твоя истинная пара должна быть сильнейшей. Вы нужны друг другу.

— Не носи чепухи! — взрываюсь. Делаю шаг вперед, под босыми ногами хрустят осколки стекла.

— Но ведь я прав! Нам лучше найти твою истинную и объединить усилия. Богиня волков слабеет. Мир мертвых становится сильнее. Он проникает сюда, искажает реальность. Сильнейшие засыпают. Ты видел город!

— Мне нет дела до их войны! — перебиваю его.

— Есть...

Это «есть» звучит с такой уверенностью, что я теряю дар речи.

— С чего ты это взял?! — делаю шаг к нему, хватаю Горана за грудки. Он не сопротивляется. — Какого черта ведешь себя так, словно знаешь меня?! КТО ПОСЛАЛ ТЕБЯ?

Он смотрит на меня своими бездонными серыми глазами, и в них нет ни страха, ни злобы. Лишь вселенская тоска.

— Ты...

Глава 9

Адила

Бегу. Босыми ногами шлепаю по ледяному каменному полу готического собора. Высокие своды теряются в темноте, а оттуда на меня смотрит что-то древнее и голодное.

На мне легкое зеленое шелковое платье.

Дышать тяжело, не хватает воздуха.

Вокруг, поднимаясь почти до колен, стелется молочно-белый туман. Он живой. Пульсирует, шевелится, и из его глубин доносится шепот, полный злобы. Холод обжигает кожу, цепляется за лодыжки ледяными когтями.

— ВЛАД! — мой крик разбивается о каменные стены, теряется в этой серой хмари. — ВЛАД, ОТЗОВИСЬ!

Вдруг из тумана вырывается тень. Она обвивает мою лодыжку, сковывает. Пригвождает к полу.

— Прочь! — рычу, пытаюсь вырваться.

Инстинктивно расправляю крылья. Золотые перепонки быют по влажному воздуху, поднимая вихри тумана. Еще одно усилие, и я взлечу!

Но невидимые щупальца не отпускают. Я в ловушке.

И тут в конце бесконечного коридора возникает высокий силуэт. Он плывет в тумане, не касаясь пола босыми ногами. Старик с длинной седой бородой. Глаза, словно ледяная бездна. На нем рваная рубаха и штаны. Кожа темная, с мертвенным фиолетовым отливом, словно у мертвеца.

— ВЛАД! — в отчаянии зову. Ужас ползет вдоль позвоночника, сковывает тело ледяными объятиями.

Силуэт не спеша приближается. Туман расступается перед ним.

— Кто ты? — шепчу.

— Тот, кто знал твоего деда, девочка... — его холодный неживой голос заполняет голову.

— Он убийца! Жестокий и беспринципный! — пытаюсь рычать, но голос срывается на писк. Я говорю о своем деде, драконе Кадире, но в глубине души боюсь, что эти слова относятся и к моему истинному.

— И в тебе его кровь, — мертвые губы растягиваются в хищной улыбке. — Однажды он обманул меня... и ты выплатишь долг. Ты сейчас так уязвима... твой истинный не придет. Он отвергнет тебя. А ты такая же, как и твой дедуля. Жестокая... алчная... безумная в своем пламени...

Его слова сводят с ума. Словно под кожей копошатся тысячи мерзких личинок. Меня тошнит от этого голоса. Я не могу пошевелиться.

— НЕТ! — закрываю уши руками, но голос монстра пробирается в самую глубину разума. — Я не такая!

— Ты придешь ко мне сама, внучка Кадира, — он уже рядом, ледяное дыхание обжигает щеку. — Иначе... я убью всех, кто тебе дорог. Одного за другим... Сначала юную беременную ведьму... Ее ребенка... Ее волка... Всех. И ты останешься одна. Навеки одна в этом холоде.

Длинные костлявые пальцы тянутся к моему лицу. Зажмуриваюсь, готовясь к ледяному прикосновению.

— АДИЛА!

Голос Марьи разрывает полотно кошмара.

Распахиваю глаза. Резко сажусь на кровати. Грудь вздымается, сердце колотится, как бешеное. Все тело покрыто липким потом.

Я в безопасности. У Марьи и Драгана.

— Ты вся дрожишь, — Марьяша садится рядом, теплыми руками согревает мои ледяные пальцы. — Кошмар приснился?

— Он приходил ко мне, — выдыхаю, все еще не в силах совладать с дрожью. — Мороз.

— Что? — в дверях возникает мрачная тень Драгана. Альфа заходит в комнату. — Ты видела его во сне? Что он сказал?

Замечаю, как Марьяша слегка ежится при его появлении. Она все еще не сказала ему о ребенке.

— Требовал, чтобы я встала на его сторону, — обнимаю себя руками, пытаюсь согреться. — Говорил, что я такая же, как мой дед. Жестокая. Безумная.

— Нет! — Марьяша обнимает меня по-дружески крепко. — Ты добрая, сильная, чудесная!

— Я согласен, — твердо говорит Драган. Его слова значат для меня больше, чем он может предположить. — Ты нас спасла, Адила. Ты не он.

Внизу раздается резкий настойчивый звонок в дверь. Драган хмурится и уходит, тяжелые шаги гулко отдаются в коридоре.

Перевожу взгляд на Марью. Она не смотрит на меня, пальцами тербит прядь волос.

— Почему не расскажешь ему о малыше? — спрашиваю тихо.

— Я боюсь... — шепчет она.

— Марьяша, Драган будет безумно рад! Он сейчас весь в этой войне! Эта новость даст ему причину сражаться дальше. Ради вашего будущего!

— А если богиня отвернулась от меня именно из-за этого? Если я ее больше не достойна?

— Она не могла отвернуться, — кладу ладонь на щеку подруги, заставляя ее посмотреть на меня. — Дело точно не в малыше. Это что-то другое. Скажи Драгану. Поклянись мне, что скажешь!

Марья глубоко вздыхает.

— Хорошо. Клянусь. Прямо сегодня и скажу.

— Марья! — снизу доносится напряженный голос Драгана.

— ИДУ! — кричит она в ответ и встает.

— Я с тобой, — сбрасываю с себя одеяло. Мне не хочется оставаться наедине с остатками своего кошмара.

Мы спускаемся вниз. В гостиной рядом с Драганом стоят двое незнакомцев.

Один — крупный мужчина средних лет в длинном черном плаще. Одет в военную форму. На кожаном ремне серебряный кинжал. Рядом с ним девушка — блондинка в джинсах с высокой талией, черном кроп-топе и кожаной куртке. Ее цепкий взгляд быстро сканирует комнату, останавливаясь на осколках стекла и следах недавней битвы.

— Валах в городе, — без предисловий говорит мужчина. — Мы отследили мотоцикл.

— И почему вы пришли с этим к нам, Богдан? — холодно спрашивает Драган, скрестив руки на груди.

Взгляд охотника останавливается на мне. Мужчина изучает меня, словно редкий экспонат в музее.

— Потому что я владею логическим мышлением, — произносит он холодно. — Дочь драконов прилетела в Москву. Валах, проспав шестнадцать лет, почти сразу просыпается. И сбегает. К кому же?

Кровь отливает от лица. Моей драконице не нравятся эти двое. Инстинктивно прикрываю рукой пылающую метку.

Эти люди... они враги Влада. А значит, и мои враги? Хотя вроде бы мы все должны быть на одной стороне...

— Что вам нужно от меня? — говорю холодно и уверенно. Я дракон, а они люди. Не им тут качать права.

— Найти и вернуть Валаха. Гильдия должна его допросить. Он знает о Морозе больше любого из нас.

— Я не знаю, где он, — говорю правду.

Метка молчит, лишь напоминает о себе тупой ноющей болью.

— Хочешь сказать, это все совпадения? — Богдан начинает давить. — Ты появляешься, и он просыпается? Просто так?

Молчу. Все смотрят на меня. Но я не обязана отвечать.

— Она тут ни при чем, — резко вступает Марьяша, вставая рядом со мной. — Адила была с нами все это время. Она даже не выходила из дома.

— Точно? — Богдан выгибает бровь, и в его взгляде читается недоверие.

— Ты сомневаешься в словах моей жены? — Драган делает шаг вперед, и воздух в комнате мгновенно раскаляется. Волчья натура альфы проявляется в напряженных мускулах и низком предупреждающем рычании.

Ксения незаметно кладет руку на устройство на поясе. Они готовы к бою. Но и мы тоже.

Охотники не отстанут. Они будут преследовать меня, видя во мне ключ к Валаху.

А что, если это мой шанс? Согласиться, воспользоваться их помощью, чтобы найти его первой?

Увидеть его. Убедиться, что он в порядке. А если они попытаются забрать Влада силой, я смогу помочь ему уйти.

Я сильная. Во мне драконья мощь.

Мысль о том, чтобы увидеть истинного, заставляет сердце бешено биться. Метка вспыхивает жгучим предвкушением. Страх и желание смешиваются в гремучий коктейль.

Я встречаю взгляд Богдана. В моих жилах течет кровь королей пустыни, и я не позволю этому охотнику меня запугать.

— Хорошо, я согласна, — говорю четко. Все взгляды устремляются на меня. — Я помогу вам найти Влада Валаха.

Глава 10

Влад

Отпускаю уродца. Отшатываюсь, чувствуя, как по спине пробегает холодная дрожь. Его слова повисают в воздухе. Нелепые и нелогичные. Моя жизнь и так не была нормальной, а теперь и вовсе превратилась в какой-то жалкий артхаус.

— Я? — усмехаюсь хрипло. — Ты в своем уме? Я шестнадцать лет провел во сне. Сидел в камере с этими иглами в венах. Непонятно, чьей кровью меня поили эти ублюдки из Гильдии! Как я мог что-либо сделать?

— Ты спал, но тень твоя бодрствовала. Твоя вторая сущность помогала в борьбе с Морозом, — невозмутимо заявляет Горан. В его серых глазах нет ни тени сомнения. — Я знал, что ты ничего не будешь помнить. И у меня есть для тебя инструкции. От тебя же.

— Для меня от меня? — скрещиваю руки на груди, чувствуя, как под кожей снова начинает зудеть ненавистная метка. Выгибаю бровь, впиваясь в уродца взглядом.

Его спокойствие начинает действовать на нервы. Разъедает изнутри, словно кислота. Он ведет себя так, будто держит в руках нити марионетки, а я всего лишь кукла, обязанная следовать его плану.

Но я слишком долго был пешкой в чужих играх. Слугой, рабом, пленником. Ненавижу это чувство. Презираю!

— Рассказывай, — приказываю.

— Я не могу, — Горан отвлекается, начинает методично собирать осколки разбитой раковины и стекла в кучу на полу спокойными точными движениями.

— Это как? — рычу, и воздух вокруг снова начинает леденеть.

— Твой приказ: не раскрывать правду сразу. Сейчас ты не поймешь... не готов просто.

Внутри все вскипает. Черная ледяная ярость поднимается из самой глубины души. Та, что я всегда носил в себе. Но теперь она кажется чужой, навязанной. Нависаю над лысым уродцем, чувствуя, как длинные клыки впиваются в нижнюю губу. На языке появляется медный привкус крови.

Зверь бьется внутри, требуя освобождения. Он хочет крови и боли.

— ГОВОРИ!

— Нет, — Горан резко выпрямляется, и наши взгляды сталкиваются в немом противостоянии. В его глазах непрошибаемая уверенность. — Я должен следовать своей судьбе, Влад. А ты своей.

— Ты мою судьбу не знаешь! — цежу сквозь зубы, и каждый мускул в теле напряжен до предела. — Ты НИЧЕГО обо мне не знаешь!

— Знаю, что ты глубоко ранен. Не телом, а душой. И вся твоя жизнь — ложь. В твоей памяти скрывается тайна, способная победить Мороза. Но даже твоя тень, что давала мне указания, не имела к ней доступа. Ты должен вспомнить сам. Вспомнить, кем был...

Голову пронзает адская боль, будто раскаленный гвоздь вбили прямо в висок. Из горла вырывается приглушенный рык. Мир плывет перед глазами, и я пошатываюсь, едва не падая в грязную замызанную ванну. Сильная рука Горана ловит меня, удерживает на ногах.

— Я купил тебе одежду. Деньги есть. Если так жаждешь мстить Медведевым, лучше поспешить. Пока еще летают самолеты и ходят поезда. Хотя я бы не советовал...

— Это не твое дело! — с силой отталкиваю его, прислоняюсь спиной к холодной стене, пытаюсь отдышаться. — Я не доверяю тебе. Не верю ни единому твоему слову! Единственное,

что знаю наверняка: Мороз — мастер лжи и манипуляций. И сейчас ты занимаешься тем же... Докажи сначала, что не служишь ЕМУ!

— Ты хочешь доказательств? — до этого безразличный голос Горана внезапно становится жестким. Уродец делает шаг ко мне. — ВОТ ОНИ!

Его серые глаза пылают алым огнем. Причудливые татуировки, покрывающие кожу, вспыхивают изнутри, проступая сквозь ткань футболки, которая начинает тлеть, испуская едкий дым.

— Я твой слуга! Всю свою жизнь, с самого САМОГО рождения! — его голос гремит, наполняя крошечную ванную комнату.

— Что ты несешь?! — рычу в ответ, оглушенный этим зрелищем. — Я родился Змеем на далеком севере! Я сам был рабом! И тебя я рядом не помню!

Пламя в его глазах гаснет так же внезапно, как и появилось. Он стягивает испорченную футболку. Тяжело вздыхает.

— Ты не только меня не помнишь...

ВЛАД!

Нежный, но властный женский зов врывается в сознание, мгновенно стирая все мысли. Он перекрывает ярость, боль, тоску, сомнения.

Сердце вырывается из груди, замирает и начинает биться с бешеной силой. Оно отзывается на этот зов, словно в нем единственная истина. Вся моя сущность настроена на этот испуганный голос.

Это она. Та девчонка из сна.

Моя тяга к ней безумна. Иррациональна, первобытна. Это не любовь, а что-то гораздо более глубокое.

Мои чувства к Деве, что годами горели холодным преданным огнем в ледяной груди... что заставляли меня идти на жертвы и убивать... меркнут и рассыпаются в прах перед всепоглощающим огненным ураганом.

Это шторм, сметающий все на своем пути.

Все, чего я хочу сейчас — это броситься на этот зов, снести любые стены, разорвать любые цепи. Найти ее. Спасти, защитить. И никогда больше не отпустить.

Та незнакомка нужна мне как воздух.

Горан внимательно смотрит на меня.

Морок ярости и боли развеивается, уступая место странному, неестественному спокойствию. Словно мои рваные гноящиеся шрамы на душе кто-то прижигает каленым железом. Теперь они лишь слабо ноют. Такое же чувство было и после пробуждения ото сна, будто легкая анестезия души, абсолютный покой.

Но это затишье перед бурей. Боль вернется. Она всегда возвращается.

Это и есть истинная связь? Не только цепь на шее, но и спасение от агонии? Мысль кажется почти кошмарной.

— Есть самолет на север через два часа. Нужно поспешить, если ты хочешь достигнуть цели, — Горан снова невозмутим.

Хочу ли я мстить медведям?

Вой ледяного зверя внутри напоминает о моей потере. Змей бьется в клетке моего тела. Он тоскует по Деве Зимы.

Во мне каким-то образом уживаются две сущности.

Одна темная, мрачная, звериная. Та, которую я в себе боюсь, но чей зов очень силен. Она жаждет пленницу из сна с алыми губами и огненными волосами. Желает обладать ею. Сделать своей в самом первобытном смысле.

А вторая... ледяной Змей. Он словно вирус, текущий по венам. Чужеродное проклятие, вытравившее мою истинную волю и заменившее ее служением. Он ненавидит первую сущность. Требует крови тех, кто отнял у него госпожу.

Они оба разрывают меня на части. Острые осколки разбитого зеркала моей души впиваются все глубже.

Так кто же я на самом деле?

Глава 11

Влад

— Поехали. Покупай билеты, — поднимаюсь на ноги, принимая окончательное решение. Импровизация — роскошь для тех, у кого есть пути отхода. У меня нет. Право на ошибку я потерял шестнадцать лет назад, в том проклятом городке N.

Медведевы ответят за то, что сделали. Они забрали у меня не просто силу или свободу. Они отняли мой холодный, извращенный смысл существования. Мою Деву.

А если у меня не получится... что ж, надеюсь, они сумеют убить меня окончательно. Превратят в ледяную пыль, развеют по ветру. Иногда небытие — лучшая из милостей.

— Ты планируешь вернуться сюда? — спрашивает уродец, словно читая мои мысли.

Хочется соврать. Это так просто — бросить ему обезоруживающую ложь, успокоить. Но язык не поворачивается. Горан свой. Я чувствую это на каком-то животном уровне. Он не несет угрозы. В его ледяном спокойствии нет равнодушия. Есть древняя собачья преданность.

Но зачем? В чем смысл столь рьяного служения?

— Не знаю. Если мне удастся пустить кровь белым медведям, то, вероятно, вернусь.

— Ты слаб, я бы не советовал, — произносит совершенно спокойно.

— Забыл спросить твоего мнения.

— Я не для того освободил тебя, чтобы ты самоубился о Медведевых. Они счастливы с истинной, их сила на пике. А еще у них дочь растет. Оставишь ее сиротой? Или еще хуже...

— Притормози, — обрываю его, ощущая бесконечную усталость. — Я тебе, конечно, благодарен, но на этом все. Не нравится мой план? Что ж, сочувствую. Дверь там.

Срываю порванную рубашку, натягиваю предложенную одежду. Джинсы, простая футболка. Поверх кожаная куртка. Все это слишком свободно и обыденно.

Я привык к тяжести дорогих тканей. К классическому крою, который подчеркивал силу и статус. Это же... просто одежда.

Собираю длинные волосы в низкий хвост. Нужно бы еще побриться, а то скоро на бомжа стану похож.

— Ну что? Поедем на твоём драндулете?

— Такси, к сожалению, не работает, — Горан выгибает бровь, будто его совершенно не задевают мои слова. — Так что придется потерпеть. Можете идти пешком, ваше высочество.

Скриплю зубами. Вот же бесячий тип!

— Ну что поделать, — складываю руки на груди, кожа куртки натягивается на широких плечах. — А еще мне кровь нужна.

— Чего?

— Что слышал. Мой зверь голоден, я его кормить должен. Можешь дать свою.

— Так у вас такие отношения? У оборотней обычно все по-другому.

— Ну, я так-то не простой оборотень, если ты не заметил, — огрызаюсь. — У меня со зверем непростые отношения, но тебя это не касается. Вылезай из моей головы, бери ключи и погнали, а то на самолет опоздаем.

Горан лишь закатывает глаза, снимает ключ с гвоздя в коридоре, и мы выдвигаемся. Погода за окном все та же. Серая безжизненная хмарь, застывшая в предсмертной агонии. Мир будто затаил дыхание в ожидании... чего?

— Значит, мир мертвых проникает сюда? — пытаюсь разбавить гнетущее молчание, вглядываясь в унылые пейзажи. — Куда же смотрит Ведающая? Неужели Мара не в курсе?

— Мара мертва. И ее истинный тоже, — тихо, почти без интонации произносит Горан.

Его слова, как удар в солнечное сплетение. Я замираю на месте, не в силах сделать шаг. Почему-то отчаянно не хочу верить. Мысль о смерти волчьей ведьмы, которую я вроде бы никогда не знал, вызывает внутри странную жгучую боль. Мне... плохо? Но почему?

— Ты ее помнишь? — в голосе Горана впервые слышится не спокойствие, а горечь. — Мару?

— Нет, — отрезаю, стиснув зубы, пытаюсь задавить этот внезапный нелепый всплеск чувств. Я не могу, не имею права скорбеть по той, чьего лица даже не могу вспомнить!

— Ясно...

Этого спокойного «ясно» оказывается достаточно, чтобы сорвать последние предохранители. Хватаю уродца за ворот куртки, с силой встряхиваю.

— Что тебе ясно?!

— Все, — он не сопротивляется, его взгляд совершенно пустой. — Ты знал ее. Просто не помнишь.

— Чушь собачья! — с губ срывается рык, и я отталкиваю Горана.

Но внутри меня смятение. Судя по этой иррациональной реакции, я не просто знал ведьму. Я... уважал ее? Ценил? Быть может, даже... Нет. Не могу вспомнить. И от этого бессилия становится только хуже.

— Лови, — Горан, отряхнувшись, швыряет мне шлем. — Лучше нам не светиться.

Путь до аэропорта проходит в тяжелом давящем молчании. Я уже вообще ничего не понимаю! Внутри безумный коктейль из одиночества, тоски, чужой боли и зова истинной, в котором я захлебываюсь.

Кто я?

Что за тайну я похоронил в своей памяти? И из-за кого весь этот ад начался?

— Приехали, — Горан ставит мотоцикл у полупустого здания аэропорта.

Осматриваю охрану. Вроде бы никого подозрительного, но расслабляться нельзя. Концентрируюсь. Как Змей, я могу исказить восприятие окружающих, заставляя их видеть то, что нужно мне.

Легкое касание плеча Горана, и его образ для посторонних тоже меняется, становится размытым, ничем не примечательным.

Делаю первый шаг по направлению к стеклянным дверям, как вдруг на мое плечо ложится тяжелая рука. Холодный голос за спиной произносит:

— Ваши документы.

Резко разворачиваюсь. Передо мной стоит охранник аэропорта, а чуть позади него девочка-блондинка. Она кажется мне смутно знакомой.

Но все внимание захватывает девушка рядом. Ярко-рыжие волосы под изумрудным платком. Невероятные зеленые глаза, в которых я мгновенно тону. И губы...

Это она. Моя истинная.

Глава 12

Адила

— Почему ты согласилась на предложение Богдана? — с тревогой в голосе спрашивает Марьяша. Охотники уехали, обещали со мной связаться.

Чувствую, как по спине пробегает холодок. Сама не до конца понимаю свои мотивы, но внутри все горит от необходимости действовать.

— Потому что они — мой самый быстрый способ найти его, — выдыхаю, ощущая, как метка на руке пульсирует в такт учащенному сердцебиению. — Они выследят его первыми. А я просто последую за ними.

— Но его упрячут обратно за решетку, — раздается низкий рык Драгана. Он стоит, скрепив руки на груди, таранит меня тяжелым и безжалостным взглядом. — Или прикончат, если окажет сопротивление. А он нам нужен живым. Валах знает о Морозе больше любого из нас.

Его слова обжигают меня изнутри. Знаю, что Драган не желает зла моему истинному, но драконья сущность воет, протестуя и требуя броситься на защиту Влада, спрятать его ото всех. Мысль о том, что его могут использовать как разменную монету, вызывает тошноту.

Но ведь он и правда преступник. Он убивал... Чья-то кровь на его руках? Мои собственные мысли противоречат друг другу, разрывая душу на части. Что же делать? Слушать холодный голос разума или следовать за этим всепоглощающим жаром в груди, что зовет меня к истинному?

— Не хочу, чтобы он стал пешкой, — шепчу дрожащим голосом. — Влад должен сам захотеть помочь. Разве это возможно, если на него наведут оружие? Или будут угрожать клеткой...

— Он может постоять за себя, — мягко вмешивается Марьяша, обнимая меня за плечи. Ее прикосновение мягкое и теплое, но даже оно не может рассеять внутренний шторм. — Поверь мне. Тот, кого я видела во снах... кто помогает нам против Лешего и Мороза, невероятно силен.

— Если бы он и после пробуждения так хотел помогать, то не скрывался бы, — с горечью выдыхаю, мягко отстраняясь. Сердце сжимается от боли и неопределенности. — Я безумно ценю вашу помощь и поддержку! Но это мой путь. Моя битва. Я должна найти Влада и посмотреть ему в глаза. И тогда я точно пойму, что сделать. Обещаю.

— И какие у тебя варианты? — спрашивает Драган, его взгляд смягчается, уступая место усталой озабоченности.

— Я ни за что не позволю охотникам запереть его, — заявляю твердо, чувствуя, как во мне просыпается огонь предков. — Но мне нужно знать всю правду о преступлениях моего истинного. Всю. Без прикрас.

— Адила... — начинает Марья, но я перебиваю ее. Меня переполняет решимость, словно я наконец-то нашла тропинку в густом тумане.

— Нет. Я не маленькая девочка, Марьяш. Я справлюсь с этим. Но мне необходимо знать, что он совершил. Каков мой истинный на самом деле.

— Об этом тебе лучше говорить не со мной, — тихо отвечает ведьма, опуская взгляд. — А с теми, кого он чуть не убил...

Сердце замирает и падает в пятки. Она говорит о двух белых медведях? Мои отцы как-то рассказывали, что Медведевы — последние в своем роде.

Неужели Влад пытается уничтожить их? Пока я росла, о пленнике в застенках Гильдии говорили мало, ограничиваясь сухими фактами.

И вот теперь я столкнулась с этой ужасной правдой лицом к лицу. И отчаянно, иррационально хочу найти хоть крупину оправдания для него.

— Я звоню Игорю, — решает Марьяша, разрывая тягостное молчание. — Они с Ефимом должны знать, что Валах сбежал.

— Думаешь, он идет мстить? — шепчу, и сердце сжимается так сильно, что становится трудно дышать.

Неужели мой истинный, вместо того, чтобы найти меня, рванет на север ради столь жалкой цели, как месть? Острая колющая боль пронзает грудь, и я едва сдерживаю стон.

Это очень неприятно.

— Адила, — Марья протягивает мне телефон. — Это Игорь. Он точно расскажет тебе больше меня. Поговори с ним.

— Да? — подношу трубку к уху, голос звучит хрипло. Я нервничаю.

На той стороне раздается негромкий хриплый смешок, от которого по коже бегут мурашки.

— Дочь драконов. Вот и довелось наконец-то пообщаться, — произносит низкий холодный голос, полный скрытой грусти. — Что ты хочешь узнать?

— Что он сделал? — выпаливаю, сжимая трубку так, что костяшки пальцев белеют. Даже через сотни километров я чувствую ледяное спокойствие, исходящее от Игоря Медведева.

— Валах? — снова слышится смешок.

— Да... — шепчу я.

— Он сбежал, насколько я понял, — произносит Игорь. — Как думаешь, куда он теперь направляется?

— Я надеюсь, что ко мне, — признаюсь, сама удивляясь родившемуся доверию к владельцу этого хриплого холодного голоса.

— Тебе стоит кое-что понять, Адила аль Эаниф. Что бы тебе ни нашептывали твои коронованные родственники, счастливые в своем браке, Влад Валах отвергает саму идею истинности. Он слишком долго был рабом Мороза, чтобы снова добровольно надеть на себя оковы, даже если они зовутся любовью.

— Истинность — это не оковы, — сглатываю ком в горле.

— Это тебе и предстоит ему доказать. Знаешь что, дочь драконов? Прилетай к нам. Полине здесь очень одиноко... Заодно и своему истинному вправишь мозги. И дашь мне вескую причину не прикончить Валаха на месте.

— Я прилечу! — шиплю, внезапно ощущая прилив ярости и решимости. — И вы его не тронете!

— Боевая девочка, — в хриплом голосе снова мелькает усмешка, на этот раз с легкой долей уважения. — Что ж... Билеты будут у Марьи на почте. И, скорее всего, ты полетишь с Владом одним рейсом.

Глава 13

Адила

— Уверена, что хочешь лететь одна? В такое время мы должны держаться вместе, — голос Марьи звучит мягко, но в нём слышится тревога. Она смотрит на мою собранную сумку. Я даже не успела разложить вещи.

Воздух в комнате тяжелый и сладкий от запаха травяных отваров. Сейчас он душит, не дает дышать.

— Это мой путь, — отвечаю тихо, но уверенно. — Мне достался непростой истинный, и я должна все решить сама. Ваше присутствие... я не думаю, что оно добавит мне очков доверия.

— Думаю, это ему нужно заслужить твоё доверие, Адила, — мрачно ухмыляется Драган. — Не ты же людей убивала.

От этих прямых слов мне становится физически плохо. Драконья сущность ревет, оправдывая Влада.

Но как же так? Жизнь священна. А оправдывать убийство... Нет, это слишком сложные экзистенциальные вопросы.

— Я, может, выскажу непопулярное мнение, — Марьяша скрещивает руки на груди, — но тот Влад, что являлся мне во снах и помогал, убийцей не выглядел.

— Но его преступления доказаны, — шепчу, ненавидя себя за эту уязвимость. Я дракон. Дочь огня и песков. Я должна быть жесткой. Но почему же тогда внутри всё так шатко?

— Порой под давлением обстоятельств мы совершаем ошибки, — тихо говорит Марья. — Иногда просто ошибаемся..., а порой делаем ужасные вещи. Я не пытаюсь его оправдать, Адила. Но богиня мудра. Вряд ли бы она даровала тебе недостойного истинного.

Марьяша... Мой свет в этом холодном чужом мире. Она всегда была моей нежной, но нестигаемой опорой. Её слова — бальзам на мою израненную душу. Сжимаю руки в кулаки, а затем медленно разжимаю их, освобождаясь от части напряжения.

— Я всё выясню, — обещаю, и на этот раз голос звучит твёрже. — Спасибо вам обоим. Позаботьтесь о тех, кто не спит. А я попытаюсь добыть нам могущественного союзника. Или, по крайней мере, не позволю ему стать нашим врагом.

Марья вызывает такси. Подхожу к окну. Мир за окном замер, погружённый в неестественную, мертвенную дремоту.

— Все вокруг словно умирает, — шепчет Марья, обнимая себя за плечи. — И мне так холодно. Постоянно.

Драган молча притягивает её к себе, и я вижу тень сомнения в синих, как летнее небо Аль-Абайи, глазах ведьмы. Ну что же она за трусиха такая!

Приходит оповещение, что машина у ворот. Я бросаю на парочку многозначительный взгляд.

— Скажи ему! — жёстко приказываю. — Или я сама это сделаю.

— Что сказать? — хмурится Драган, его взгляд мечется от меня к Марье.

— Адила! — подруга поджимает губы, на её щеках выступает румянец. — Я же сказала... что сегодня...

— Тебе нечего бояться, — мягко подмигиваю ей.

— Милая? — альфа смотрит на жену, совершенно сбитый с толку. — Что у вас за секреты?

— Я... — начинает Марья и замолкает, закусив губу.

— Онаааа... — тяну я, не в силах сдержать ухмылку.

— Я БЕРЕМЕННА! — выпаливает Марьяша и тут же зажимается, словно ожидая укора.

Повисает тишина. Драган замирает, словно не верит своим ушам. А затем волк падает перед женой на колени.

— Ты... ждёшь моего ребёнка? — его голос становится тихим и беззащитным.

— Да, — робко улыбается Марья.

— Боги! — он принимается осыпать поцелуями ее ладонь, пальцы, запястье. — Это же чудо! Почему ты молчала?!

Его глаза сияют чистым, безудержным счастьем.

Я эгоистично радуюсь, что тоже приложила руку к этому светлому моменту в самом сердце надвигающейся тьмы.

Может быть, когда-нибудь и мой истинный будет так же смотреть на меня? Трепетно, нежно, с благоговением...

Правда, сейчас он выбрал месть. Но ничего! Я заставлю его передумать!

Пока влюблённые поглощены друг другом, я выскальзываю за дверь и усаживаюсь на заднее сиденье подъехавшего такси.

— В Шереметьево, — коротко бросаю, глядя в окно на серый умирающий мир.

— Знаю, драконица, — доносится холодный знакомый женский голос.

Я замираю. Но машина уже трогается, и выпрыгнуть сейчас — значит опоздать на рейс. У меня нет времени ждать другое такси. Чёрт!

— Ты... Ксения, кажется? — сухо уточняю, хотя прекрасно помню ее имя.

— Да, — следует короткий ответ.

Мы едем в молчании. Я чувствую её ауру. Упертая, сильная. Но глубоко внутри, под слоями брони и воли теплится крошечное хрупкое пламя. Когда-то оно, наверное, горело ярко, а теперь это лишь бледная тень.

— Вам в Гильдии мало платят? — не могу сдержать сарказм. — В свободное время в такси подрабатываешь?

— А вы, оборотни, все с юморком, — усмехается охотница.

— Где твой босс? Тот громила без манер?

— Он не в курсе, что я тебя ждала. Богдан порой слишком импульсивен. Это вредит делу.

— О! — выгибаю бровь. — Раскол в стане врага?

— Мы не враги, — тихо, но твёрдо произносит Ксения. — Но Валах нам нужен. Я по твоему взгляду поняла, что ты его не сдашь. Ты метку прячешь. А истинность... она сильнее любого здравого смысла.

— Если ты так много знаешь, — низко рычу, — то должна понимать, что мне ничего не стоит перерезать тебе глотку.

Такая же, как твой дедуля...

Ледяной шепот Мороза отчетливо звучит в голове. Я вздрагиваю. Боги... Я только что угрожала человеку расправой?

— Прости... — выдыхаю, откидываясь на спинку сиденья. — Естественно, я ничего бы тебе не сделала. Паритет, все дела. Мы, драконы, более совершенны, а значит, не должны трогать тех, кто слабее.

— А еще вы очень скромны, — Ксения ловит мой взгляд в зеркале заднего вида.

— Что тебе от меня нужно? И откуда ты знаешь, что я поеду в аэропорт?

— Я отслеживаю телефон Марьи. Туда пришел электронный билет от Игоря Медведева. Валах... он ведь из-за Медведевых оказался в темнице? Уверена, что он очень хочет отомстить.

— И?

— И я лечу с тобой.

Глава 14

Адила

— С какого перепуга? — не верю своим ушам. Смотрю на невозмутимо сидящую за рулем блондинку. — Что ты там забыла?

Взгляд Ксении в зеркале заднего вида становится отстраненным и печальным, будто она смотрит куда-то в прошлое. Она тяжело вздыхает.

— Там живет мой отец.

Вот это поворот! Складываю руки на груди. Хмуро смотрю на охотницу. Моя драконица не видит в этой настырной девчонке угрозы. Раздражает? Безусловно. Настырная? Еще какая! Но она не враг.

— Так позвони ему, — пожимаю плечами. — Зачем лететь за тридевять земель?

— Он уснул, — тихо произносит Ксения и пальцами до побелевших костяшек сжимает руль. — Так мне сказал Ефим Михайлович, когда я в последний раз звонила. Я просто хочу его навестить. И всё. А заодно... присмотреть за тобой и Валахом.

— И не будешь пытаться вернуть его в клетку?

— Ты не дашь, — на губах Ксении появляется усмешка. — К тому же я всегда больше верила в дипломатию и технологии, чем в грубую силу. С Валахом можно договориться. Если он и вправду знает, как одолеть Мороза...

— Ладно, — соглашаюсь. — Надеюсь, у тебя уже есть билет.

Ксения, наконец, поворачивается ко мне, и на ее лице на мгновение вспыхивает искренняя улыбка.

— Не беспокойся.

Мы подъезжаем к аэропорту. Картина удручает и леденит душу. Шереметьево, обычно переполненное людьми, будто вымерло.

Воздух морозный, сырой, тяжелый. На асфальте грязный снег, а кое-где блестит опасная темная наледь.

— Регистрация на наш рейс уже началась, — голос Ксении возвращает меня к реальности. — Пойдем, подойдем к охраннику.

— Зачем? — напрягаюсь.

— Если вдруг заметит кого-то, похожего на твоего мужика, пусть сразу даст нам знак, — невозмутимо поясняет охотница и уверенно направляется к рослому бугаю у дверей.

Но тот вдруг резко срывается с места и быстрым шагом устремляется к парковке. Сердце на мгновение замирает, предчувствуя недоброе.

У выхода стоят всего три такси, и их водители, скучающие и понурые, кажутся последними жителями этого опустевшего мира.

— Так мало людей... — шепчу.

— Это происходит везде, — Ксения пожимает плечами. — К нам в Гильдию постоянно приходят жалобы. Засыпают целыми семьями. Не только оборотни, но и люди.

— Но не все? — уточняю.

— Да. Кто-то засыпает, кто-то нет. Мы бьемся над этой загадкой, но закономерности нет... или мы ее не видим.

Не спешу делиться с охотницей своими догадками. Пока это лишь теории.

Мы подходим к охраннику, который обращается к двум мужчинам, только что приехавшим на мотоцикле.

И вдруг мир переворачивается.

Сердце сначала замирает, а затем срывается в бешеный оглушительный галоп. Мы с Ксюшей подходим ближе...

— Ваши документы, — басит охранник.

Один из мужчин медленно, словно нехотя, разворачивается, и наши взгляды сталкиваются.

Темные бездонные глаза. В них мелькает минутное удивление, которое тут же тонет в волне ледяного откровенного раздражения.

Влад...

Застываю на месте, не в силах издать ни звука. Кажется, весь воздух из легких выкачали.

Я так долго мечтала увидеть его. Драконий нюх тут же улавливает притягательный аромат, от которого все внутри сладко ноет и требует броситься к истинному, прижаться и ластиться.

Сжимаю руки в кулаки. Ноги будто приросли к асфальту. Я жадно, отчаянно ишу в темных глазах Змея хоть искру тепла. Хоть намек на то, что наша связь для него что-то значит.

Я с детства грезил о встрече с истинным. Видела нежную, трепетную любовь своих отцов к маме и мечтала о таком же.

Но сейчас вижу лишь сплошную непробиваемую стену льда. Неужели он совсем ничего не чувствует?

— Все в порядке, спасибо, — охранник, закончив проверку, возвращает Владу документы.

Не уходи...

Но мой Змей, мой высокомерный истинный, лишь бросает на меня короткий раздраженный взгляд, разворачивается и уходит вглубь здания, уводя за собой своего странного спутника.

А я остаюсь стоять, чувствуя, как мое сердце с тихим хрустом трескается, а затем разлетается на тысячи острых осколков, впивающихся в душу.

— Да, мы... — Ксения берет меня под локоть. — Ладно, ничего... Пошли, Адила.

Охотница мягко, но настойчиво тянет меня к стойке регистрации.

— Ты выглядишь так, будто увидела привидение, — замечает она спокойно.

— Те двое... у которых охранник проверял документы... — с трудом разлепляю губы. — Ты их не узнала?

— Нет, — пожимает плечами Ксения, когда мы направляемся к терминалу. — А должна была?

Значит, он каким-то образом обманул человеческое зрение? Это магия? Или какие-то особенности преломления света? В любом случае, я их обоих видела.

— Просто показалось, — отмахиваюсь, метка на руке вспыхивает жгучей болью.

А моя драконица отвечает низким яростным рыком, эхом отдающимся в груди. Ей категорически не понравилась реакция истинного. Неужели все так и будет? Мы будем играть в эти холодные игры, ледяная ты задница? Сжимаю зубы.

Решение приходит быстро.

Я не какая-нибудь ромашка, что убежит и будет рыдать в подушку. Мне больно. Невыносимо.

Но я дочь драконов и знаю, как отплатить той же монетой. Интересно, каково будет этому высокомерному куску...

— Где же все-таки Валах? — размышляет вслух Ксения. — Он же без крови никак...

— Без крови? — мои брови взлетают вверх. — Он пьет кровь?

— Ты не знала? — охотница искренне удивлена.

— Ммм... — в голове, словно вспышка, рождается дерзкий план пакости. Кровь, говоришь? Интересно, а моя драконья кровь сведет его с ума?

Я хищно ухмыляюсь. Да, мне это нравится...

Мы садимся в самолет. Игорь взял мне бизнес-класс, Ксения достала место рядом. Через несколько минут на борт поднимаются Влад и его спутник. Они проходят в салон и размещаются в экономе. Мне это категорически не подходит.

— Я сейчас, — бросаю Ксении и направляюсь прямо к седому старичку, который сидит на краешке в экономе-классе, как раз там, где мне нужно.

— Добрый день, — ослепительно улыбаюсь ему. Спутник Влада, тот самый лысый парень бросает на меня заинтересованный взгляд. Сам истинный демонстративно смотрит в иллюминатор, изображая полное равнодушие. Но это ненадолго.

— Да? — дедушка смотрит на меня добрыми, немного усталыми глазами.

— Не хотите ли пересесть в бизнес-класс? — сладко предлагаю я. — Просто мне... тут вид больше нравится, и я была бы вам очень признательна...

— Конечно, милая! Конечно! — старичок быстро соображает и уже хватается за потрепанную сумку.

А я, сделав вид, что это самая обыденная вещь на свете, небрежно плюхаюсь на освободившееся место.

На самом деле внутри бушует ураган из ярости, обиды, дикого желания и жажды мести. Но мои отцы с детства учили меня самоконтролю.

Так что... пристегнись покрепче, мой ненаглядный. Игра только начинается.

Глава 15

Влад

Видимо, в прошлой жизни я очень много грешил. Иначе как объяснить эту изощренную пытку? Сначала потеря памяти, превратившая мою собственную жизнь в лоскутное одеяло из кошмаров.

Затем столетия в ледяном плену, служение исчадию, имя которого наводит ужас. И в итоге — шестнадцать лет в заточении.

А в довершение всего мне даровали в истинные... дракона.

И не просто дракона. А наглую, дерзкую, до одури соблазнительную драконицу с пышной гривой огненных волос.

И с характером, от которого даже у моего Змея чешуя сворачивается.

Когда я увидел эти яркие локоны, бездонные изумрудные глаза и алые приоткрытые губы, что-то внутри оборвалось. Спина вспыхнула пламенем, а кровь разом рванула вниз, к паху, затуманивая разум животным желанием.

Моя темная, дикая часть зарычала из самой глубины, требуя броситься, схватить, покорить. Но ледяной Змей, столетиями живущий в моем теле, сжал ее в ледяные тиски.

Лишь это позволило мне не опозориться, умело изобразив на лице маску равнодушия и легкого раздражения. Хотя внутри я хотел эту рыжую до одури.

— Твоя пара? — невозмутимо констатирует Горан, пока мы идем к терминалу. — Она тебя узнала. Значит, твоя маскировка на истинную не работает.

Молча киваю. Не хочу об этом говорить. Не сейчас, когда кровь все еще бурлит, а в душе расплзается вина. Я видел, как девчонка смотрела на меня. Сначала с надеждой и радостью. А потом в изумрудных глазах появилась боль, которую драконица попыталась неумело скрыть. Такая красивая... и такая одинокая.

Отчаянно сражаюсь с диким желанием развернуться, броситься назад, закинуть эту рыжую бестию себе на плечо и унести прочь от всего этого ада. Чтобы любить ее до потери пульса. До тех пор, пока она не охрипнет от стонов и криков.

— Красивая. Рыжая. Я видел ее на похоронах Вука, — невозмутимо продолжает уродец. — Никогда бы не подумал, что богиня дарует ее тебе. С твоим-то послужным списком. Не то чтобы я осуждаю...

— Ты когда-нибудь молчишь? — низко рычу.

Знаю я! Знаю, что недостойн даже стоять рядом с такой красавицей. Нам обоим это не нужно. Цепи истинности. Ярмо. Новая ловушка. Но, черт возьми... эти глаза... и губы...

— Она вывела тебя из равновесия, Влад, — Горан понимающе вздыхает, этим бесит еще больше. — Может, пора перестать бороться с неизбежным?

— Тебе пора перестать трепаться.

Наконец-то уродец замолкает.

Вот же парадокс. Он бесит, но без его болтовни становится как-то тоскливо.

Я что, старею? Схожу с ума?

Мне никогда не были нужны ни любовь, ни чья-то привязанность. Меня веками окружал безмолвный лед, и этого было достаточно.

Но после пробуждения внутри что-то надломилось. Под ледяной коркой моей души теплится пламя, на теле появилась метка, а в сердце поселилось одиночество. И это раздражает.

Когда мы садимся в самолет, я снова чувствую ее близость каждым нервом. Краем глаза вижу огненные локоны. Отчаянно желаю накрутить этот рыжий водопад на кулак, обнажая хрупкую белую шею, чтобы припасть к ней губами...

— Добрый день, — ее голос, словно хрустальный колокольчик, обрывает все мои мысли на полуслове.

Делаю вид, что за иллюминатором разворачивается самый захватывающий пейзаж в мире. Ситуация идиотская.

Что, черт возьми, мне теперь с ней делать? Подкупить деда, чтобы он... Но старик уже просек фишку и радостно семенит в бизнес-класс.

А эта огненная заноза уже сидит рядом, и ее запах: сладкий сандал, дурманящий кардамон бьет в нос, сводя с ума все мои рецепторы.

Незаметно веду носом, чтобы уловить его еще... и еще... Черт побери!

Самолет начинает движение. Как, скажите на милость, мне пережить эти долгие часы в такой близости от нее? Еще и уродец подливает масла в огонь.

— Привет, Адила, — добродушно здоровается Горан.

— Здравствуй, — отвечает девчонка.

Я помню, как ее нежный голос звучал в моем сне. Переходил в прерывистые влажные стоны. Как она раскрывалась, отдавалась, извивалась. И каждым движением своего тела умоляла взять ее...

— Пойду в туалет. Если хочешь, садись на мое место, — заявляет уродец и удаляется.

Я готов придушить его голыми руками. Вот же подлый предатель!

— Привет, Влад, — слышится тихий голосок рядом.

Вся ее напускная бравада куда-то испарилась. И я знаю, что если сейчас встречу с ней взглядом, мне конец. Проклятая истинность возьмет верх над волей, и я сверну с пути мести. Нельзя. Не сейчас.

— Что ты тут забыла? — цежу сквозь зубы, вкладывая в голос всю жесткость, на какую способен.

— То же, что и ты, — парирует рыжая, и я чувствую, что она двигается чуть ближе ко мне. Ее плечо почти касается моего.

В нос снова бьет пьянящий аромат ее кожи. От него перехватывает дыхание, рот наполняется слюной, а все мышцы деревенеют от напряжения.

— И что же я тут забыл? — резко, почти яростно разворачиваюсь к ней.

Наши взгляды сталкиваются, и время останавливается. Боги, до чего же она прекрасна... Проклятие и дар в одном лице.

— Свою жалкую месть Медведевым, — драконица первая разрывает зрительную связь.

Я не могу сдержать короткую хриплую усмешку. Все знает. Или просто чувствует? Внутри копошится теплое чувство. Оно разливается по венам, заставляя меня ослабить ледяную броню, стать мягче, чем я могу себе позволить.

— Оставь меня с моей жалкой местью, — произношу. — Зачем ты преследуешь меня?

В ответ девчонка лишь усмехается. Не нравится мне ее коварная улыбка!

Глава 16

Адила

— Оставь меня с моей жалкой мстью. Зачем ты преследуешь меня? — его голос низкий и хриплый, с примесью тоски и холода.

— Потому что она касается и меня! Гребанный эгоист! — выпаливаю и, отвернувшись от истинного, шепчу себе под нос: «Кунта азуннука инсанан, ва лакиннака лайста илла кит'атун мин джалидин барид!» (Думала ты человек, а ты всего лишь кусок ледяного дерьма!).

— Что ты там лепечешь? — ледяное дыхание касается моей шеи, вызывая мурашки.

Я медленно разворачиваюсь к Владу, и сердце на миг замирает, прежде чем вновь забиться в бешеном ритме.

В темных глазах Змея, которые я считала бездушными и холодными, бушует настоящая буря. Это не ярость и не равнодушие. Это борьба. Он не *не хочет*. Он не может себе позволить.

— Йа хисаля! (Подонки!) — с губ срывается шепот, полный обиды.

В этот момент из туалета выходит Горан. Его взгляд скользит по нам. Парень прищуривается, что-то обдумывает и, не говоря ни слова, спокойно устраивается на свободном месте в другом ряду.

— Предатель, — шипит Влад, а затем его пылающий взгляд снова впирается в меня.

— Ты боишься оставаться со мной наедине? О великий ледяной Змей?

Губы Влада трогает едва заметная усмешка. От этого простого взгляда по коже пробегает разряд тока. Смесь гнева и невыносимого влечения.

— До смерти боюсь, детка, — его голос становится бархатным и обволакивающим, отчего все внутри меня сжимается в сладком предвкушении. Это сильнее меня. Внутренний зверь замирает в ожидании. Оттолкнет или прижмет к себе?

Ненавижу себя за это! Истинность лишает воли. Но я буду не я, если просто так сдамся!

— Я тебе не детка, — фыркаю, высокомерно вздергивая подбородок. — Я Адила аль Эаниф.

Он открывает рот, чтобы парировать, но нашу словесную дуэль прерывает стюардесса.

— Обед? Мясо, рыба или птица? У нас большой выбор, — улыбается она.

— Мясо! — гаркаем почти одновременно.

Наши глаза снова сталкиваются. Я сверлю Валаха взглядом, полным ярости, а он, скрепив на широкой груди руки, с вызовом откидывается на спинку кресла.

Холодный высокомерный говнюк!

— Нечего повторять за мной, — откидываю прядь рыжих волос. — Я думала, анаконды предпочитают птиц.

Его губы растягиваются в хищной улыбке.

— Все зависит от размера, принцесса. А я большой.

От этих слов, произнесенных томно и хрипло, по телу разливается жар. Я смотрю на истинного, пытаюсь силой воли заставить себя ненавидеть его. Но не могу.

Он дьявольски красив. Словно готический принц, сошедший со страниц самой порочной сказки. Идеальные черты лица: прямой нос, мужественный подбородок с небольшой ямочкой, чувственные губы...

Я помню эти губы. Помню, что они творили со мной во сне, прежде чем я проснулась в поту и одиночестве. В памяти всплывают порочные яркие образы, заставляющие кровь пульсировать в висках.

— Интересно, — Влад наклоняется ко мне так близко, что наше дыхание смешивается. Он ведет носом, пытаясь уловить мой запах, — о чем же подумала моя восточная принцесса Адила аль Эаниф?

От его близости у меня перехватывает дыхание, но хитрая искра в темных глазах Змея возвращает мне самообладание.

— О том, что ты хам и йа хисаля, — выдыхаю, глядя прямо в глаза истинного и чувствуя, как горю изнутри от его близости.

Но я еще не закончила! Новый, куда более коварный план уже зреет в моей голове. Медленно, почти лениво, я провожу кончиком языка по губам, увлажняя их и наблюдая, как зрачки Змея увеличиваются, закрывая собой темную радужку.

Глаза становятся почти черными.

— Ругаешься по-арабски... Как некрасиво, — шепчет, его взгляд прилипает к моим губам. — Какая непослушная девочка.

Он рукой тянется к моему лицу...

Шлеп!

С силой отбиваю его ладонь.

— Не трогай меня, — шиплю, место прикосновения жжет, как раскаленный уголь. — Мне неприятно.

Ложь...

Влад лишь тихо усмехается, зарывается пальцами в темные волосы и откидывается на спинку кресла. Как же он прекрасен в своей дерзости! Но я не сдамся. Он будет ползать передо мной на коленях, прежде чем я что-либо ему позволю.

— Два обеда с мясом, — снова появляется стюардесса.

Я беру лоточек и резко дергаю фольгу.

— Ай! — на подушечке пальца выступает яркая капля алой крови.

Влад разворачивается с такой скоростью, что у меня дух захватывает. Он резко втягивает носом воздух, и его глаза... Боги, его глаза!

Весь напускной холод испаряется, сменившись чистейшим животным голодом. Его зрачки вытягиваются, а длинные клыки обнажаются в немом оскале. Все мое тело пронзает смесь страха и пьянящего возбуждения.

— Я сейчас принесу пластырь! — суетится стюардесса, словно не замечает преобразования Валаха. Видимо, так оно и есть.

Резко вскакиваю с кресла, чувствуя, как дрожат колени.

— Я буду в туалете! Принесите туда, пожалуйста! — бросаю через плечо, устремляясь в конец салона, сбита с толку этой внезапной дикой переменой в истинном.

Значит, то, что было до этого — всего лишь маска. Игра. А сейчас я увидела настоящего зверя. Голодного, опасного и неуправляемого. Но в его взгляде было нечто большее, чем просто жажда крови...

Не успеваю додумать мысль, как раздается тихий стук в дверь.

Наверняка стюардесса принесла пластырь.

Поворачиваю ручку, и в следующее мгновение мощное тело вдавливают меня в крошечное пространство туалета...

Глава 17

Влад

Несносная девчонка! Дочь драконов... До чего же высокомерная!

Но сквозь ярость пробивается восхищение. Адила... Имя обжигает губы, словно глоток редкого крепкого вина. Терпкое, пряное, оставляющее после себя лишь жажду.

— Адила... — выдыхаю непроизвольно.

Эти изумрудные глаза, полные огня и вызова. Алые сочные губы, которым бы я с радостью нашел иное применение, чем называть меня ледяным мешком дерьма. Ее запах сводит с ума, выжигая последние остатки самоконтроля.

И ее кровь...

В тот миг, когда Адила вскрикнула, в воздухе повис терпкий сладкий аромат. Насыщенный и пряный, словно мед.

Змей взвыл от голода, затрепетал, требуя вкусить ее сладости. Но вместе со всепоглощающей жаждой по жилам разлилась волна отвращения.

Словно эта кровь была самым желанным нектаром и самым смертоносным ядом одновременно. Она — табу. Но от этого мое желание стало лишь нестерпимее.

Мимо бежит стюардесса. Я резко хватаю ее за рукав.

— Я сам отнесу.

— Но девушка... — пытается возразить, однако я ловлю ее взгляд. Легкое давление, и ее сознание покорно затуманивается, готовое выполнить приказ высшего существа.

— Она моя. И я сам о ней позабочусь, — аккуратно забираю аптечку. — Твоя задача, чтобы нам никто не мешал. И... забудь о том, что видела.

Она моргает, растерянно оглядываясь. А я уже шагаю к туалету, чувствуя на себе тяжелый взгляд Горана. С этим уродец у нас еще состоится долгий разговор.

Стучу. Адила открывает сразу. Ждала, наверное, стюардессу. Сюрприз, милая! Драконница не успевает и пикнуть, как я втискиваюсь внутрь, прижимаю ее к прохладной стенке и закрываю ладонью ротик.

Я хочу ее. До безумия хочу.

— Ммм! — возмущенно пищит, испепеляя меня взглядом.

— Тшш, — шиплю, прижимаясь всем телом, и беру ее руку в свою.

Кровь дракона... Аромат бьет в голову, оглушая. Я приникаю к крошечной ранке на тонком пальце, и Адила вздрагивает. Стараясь не задеть нежную кожу клыками, я лишь втягиваю несколько капель. Медовых, обжигающих...

Но вдруг...

— Шшшш! — из горла вырывается шипение, а по горлу словно льется кислота.

Отпрыгиваю, насколько это возможно в крошечном туалете. Ударяюсь спиной о дверь. Что за...

— Ты... — выдыхаю, чувствуя, как внутри все горит. Змей бешено извивается, словно получил дозу яда.

— Что? — Адила удивленно хлопает ресницами.

Стискиваю зубы. Что за черт? Метка пульсирует, темная часть меня требует сейчас же нагнуть эту рыжую бестию и засадить в нее член, а ледяной монстр отчаянно шипит, требуя ее... убить...

— Как твоя рука? — беру себя в руки, загоняя обе сущности обратно в их клетки.

— Уже не болит, — Адила с удивлением разглядывает палец.

А я схожу с ума. Мой взгляд прилипает к ее шее, где под фарфоровой кожей пульсирует венка. Я буквально чувствую медовый вкус ее крови на языке.

Мне нельзя. Это хуже любого проклятия!

— Что ты сделал? Рана затянулась, как только ты ее... лизнул... — Адила вдруг густо краснеет, и эта внезапная скромность сводит с ума сильнее любой дерзости.

Лизнул? Серьезно? Я склоняю голову набок, растягиваю губы в хищной ухмылке.

— Не смотри на меня так! — она выпячивает колесом свою грудь.

— Как? — рычу низко и томно. Мне начинает нравиться этот опасный флирт.

— Вот так! Словно я твоя добыча! — девушка резко разворачивается к раковине.

Но я уже не слышу. Вижу только ее губы. И представляю, как они обхватывают мой член, пока гордая драконица стоит на коленях, а я, вцепившись в ее огненные волосы, трахаю ее в рот. Делаю шаг вперед, сократив и без того ничтожное расстояние.

— Отойди! — в ее голосе звучит паника. — А не то...

— Не то, что? — игнорирую злобное шипение Змея внутри. — Расправишь крылья? Тогда салон разгерметизируется, и мы все рухнем вниз. Ты же умная девочка... хоть и очень... очень плохая.

— Заткнись, ты ледяной...

Договорить ей не даю. Отпускаю поводья той темной сущности, что скребется внутри ледяными когтями, и впиваюсь в желанные губы. Сладкие. Мягкие. Идеальные. Аромат сандала, кардамона и шафрана бьет в голову. Наконец-то!

— Тихо, я сказал, — рычу прямо в ее губы, полностью забирая инициативу.

Я больше не могу. Не могу терпеть эту близость, притворяться равнодушным, когда сам сгораю от страсти.

— Ммм! — Адила издает приглушенный стон, вцепляется пальцами в мои волосы, оттягивая их до боли.

Да, вот так, мой огонек. Делай мне больно. Отвечай мне...

Но вдруг...

КУСЬ!

Острая боль пронзает губу. Отстраняюсь, глядя на истинную с изумлением. Она укусила меня? Меня?!

— Я сказала, не трогай меня, ледяной кусок...

— А ты, похоже, была не против, — слизываю с губы собственную кровь.

— Это все истинность! Ты мне даже не нравишься! — Адила скрещивает руки на груди, но ее грудь высоко вздымается от учащенного дыхания. — Меня это не устраивает!

— Да что ты говоришь? — выпрямляюсь во весь рост, едва сдерживая раздражение и... восхищение ее наглостью.

— Встань на колени, Змей, — вызывающе ухмыляется девчонка. — И тогда я, возможно, подумаю...

Начинаю хохотать. Громко, чувствуя, как в ледяной груди появляется трещина. И ее заполняет невиданная доселе свежесть. Эта наглая, строптивая, несносная рыжая вдохнула в меня жизнь одним лишь своим существованием.

— Вот как? — растекаюсь в довольной ухмылке, затем глубоко вдыхаю, ловя знакомый пьянящий аромат. — Ты возбудилась... детка...

Она протестующе рычит, но я игнорирую.

— Я чувствую запах твоих соков... Наверняка все нижнее белье промокло от желания. Да, детка?

Адила распаивает глаза от возмущения, но алый румянец, заливший щеки, выдает ее с потрохами. Девочка хотела этого не меньше моего.

— Я буду в своем старом поместье, — делаю шаг вперед, загоняя драконицу в угол. Она упирается попкой в раковину. Бежать некуда. — Захочешь продолжения... приходи ко мне сама.

Перехожу на змеиное шипение и пропускаю сквозь пальцы шелковистую прядь огненных волос.

— А я буду в отеле! — Адила вздергивает подбородок, и в ее глазах вспыхивает озорной огонек. — Когда не сможешь больше без меня, приползешь к моему номеру. На коленях. И тогда... возможно...

— Мы снижаемся! Просьба вернуться на свои места! — раздается голос стюардессы.

— Договорились, детка. Посмотрим, кто кого, — легонько касаюсь губами кончика ее вздернутого носа и выхожу из туалета.

Эта игра начинает мне нравиться...

Глава 18

Адила

— Снижаемся! — голос стюардессы и нарастающая суэта за дверью доносятся будто сквозь толщу воды.

Время замирает. Я остаюсь одна в тесном пространстве, касаясь кончиками пальцев своих губ. Они все еще пылают, обожженные ледяным поцелуем истинного.

Мой первый поцелуй. С истинным. Он был таким... противоречивым. Горячий и влажный, сладкий, как запретный плод, но с горьким ядовитым послевкусием его внутренней борьбы.

Резко разворачиваюсь к раковине, брызгаю в лицо ледяной водой. Она обжигает кожу, но не может смыть с губ жгучий след, а из памяти — сладкую порочность того, что произошло.

Мы приземляемся. И теперь нам с Владом предстоит встретиться по разные стороны этой странной войны.

Выхожу, ноги слегка подкашиваются. Направляюсь в бизнес-класс. Воздух здесь кажется тяжелее, чем во время взлета. Ксения уже согнала дедушку, и он мирно посапывает в другом ряду.

— Ну как? — блондинка язвительно поднимает бровь. От нее не утаить ничего. — Искры от вас летели по всему самолету. Туалет-то еще целый? Или вдребезги?

— С чего ты взяла, что между нами что-то было? — с вызовом откидываю волосы, затем с силой стягиваю их в тугий конский хвост, будто пытаюсь укротить собственные распущенные мысли.

— Я знаю, что такое истинность, — ее ухмылка становится шире.

— Откуда?! — в голосе проскальзывает рычание. Я зла, смущена и разгорячена. — Ты всего лишь человек! Вы даже живете долго лишь потому, что вводите себе нашу лимфу!

Я злюсь. Потому что все мое существо ждет не этого мимолетного поцелуя. Оно жаждет полной капитуляции истинного. Хочу видеть, как мой высокомерный Змей падает ниц, и в его ледяных глазах появляется осознание, что я — единственный смысл в его запутанной мрачной жизни.

Мсть! Какая глупость! Когда я, его истинная пара, нахожусь здесь, готовая сторечь от одного его взгляда!

Неужели я одна чувствую эту всепоглощающую жажду? И одну меня разрывает на части от желания?

Эта мысль ранит сильнее пули. От нее на глаза наворачиваются предательские слезы, но я сжимаю кулаки, прогоняя их.

Родители не готовили меня к такому. Они учили ждать, когда истинный придет и заберет свою судьбу, и мы вместе погрузимся в жаркий сладкий грех. Будем любить друг друга, потом у нас появятся малыши.

А это что? Игра в кошки-мышки, где Змей вечно ускользает, словно для него есть что-то важнее. Разве может быть что-то важнее нас?

— Просто он выводит меня из себя, — выдыхаю, чувствуя, как гнев сменяется горькой безысходностью.

— Я знаю. Вижу огонь, что горит в твоих глазах, Адила.

— Лучше бы этой метки не было, — слова срываются с губ сами, но я тут же ловлю себя на лжи. Нет, это не так! Я не желаю терять это чувство!

— Не говори таких слов, — вдруг шепчет Ксения, и в ее голосе проскальзывает глубокая пронзительная боль. — Тебе дается испытание по силам. Раз твой истинный...

— Ледяной кусок дерьма? — заканчиваю за нее с горькой усмешкой.

Ксения тихо смеется.

— Ну, типа того. Если он такой, значит, такой тебе и нужен. Поверь, истинность наполняет смыслом каждую клеточку, — ее голос становится тихим, призрачным. — А если ее потерять... И смысл уходит. Ты словно остаешься одна в крошечной тьме, где нет ни единого огонька... ничего, к чему бы хотелось идти.

И тут до меня доходит. Ее слова. Ее отстраненность. И тот белесый, едва заметный шрам на руке, мелькнувший из-под рукава куртки.

— Ты избавилась от метки, — не спрашиваю, а констатирую, и сердце сжимается от внезапной жалости.

— Пристегиваемся! — командует стюардесса, и я механически затягиваю ремень.

— Да, — ответ охотницы тонет в общем гуле, но я слышу.

Самолет касается земли. Когда мы выходим на улицу, ледяной воздух городка N бьет в лицо, но внутренний холод от признания Ксении пронзает меня глубже.

— Ты же сама сказала, — шепчу ей, пробираясь по сугробам к ждущему нас лимузину, — что всем нам даются испытания по силам. Может, это твое испытание? Вернуть свой свет?

— Может. Или наказание за то, что однажды я оказалась слишком слаба, чтобы его удержать, — она поправляет рюкзак на плече, и взгляд блондинки снова становится непроницаемым. — Пойдем, машина Ефима Михайловича нас ждет.

Город похож на ледяную гробницу. Снег падает густыми тяжелыми хлопьями, заметая все вокруг.

Я ежусь, кутаясь в тонкую куртку. Даже внутреннее пламя, обычно жаркое и неукротимое, кажется, потянулось вслед за Владом, оставив меня зябнуть и чувствовать себя покинутой.

Валаха и Горана уже и след простыл.

В лимузине пытаюсь согреть оочечневшие пальцы.

— Даже драконам в такую погоду нужна теплая одежда, — замечает Ксения, и в ее голосе снова появляются нотки привычной сухости.

— Видимо... — соглашаюсь, глядя в окно на заснеженное царство.

Мы подъезжаем к зданию мэрии, больше похожему на крепость, осажденную стихией. Войдя внутрь, я понимаю, что не стало легче. Холод здесь иной: сырой, пронизывающий, вбедающий в кости.

— Пошли, — Ксения ведет меня уверенно, будто здесь ее второй дом. — Может, Ефим Михайлович что-нибудь теплое найдёт.

Внутри царит спартанская обстановка. Былое величие мрамора и колонн подавлено грудой лопат и суетой рабочих в оранжевых жилетах. Меня бьет крупная дрожь.

— Здесь не топят, что ли? — зуб на зуб не попадает.

— Походу, нет, — охотница распахивает массивную деревянную дверь. — Ефим... Михайлович.

Мужчина в строгом костюме стоит к нам спиной. Широкие плечи, темные волосы. И от него исходит волна знакомого, леденящего душу холода. Того же, что веет от моего истинного. Словно они высечены из одного древнего льда.

Мужчина разворачивается. На его суровом лице рождается легкая, почти невидимая улыбка.

— Здравствуй, Ксю...

Его взгляд падает на меня.

— Решилась-таки прилететь?

— Да, — делаю уверенный шаг вперед, — я хочу знать, что натворил мой истинный.

— Я расскажу тебе, но не здесь, — задумчиво чешет подбородок белый медведь, — сейчас позвоню, предупрежу Игоря. А пока предлагаю попить чаю. Единственное тепло, что здесь осталось.

— А где Кристина? — спрашивает Ксения, — я так... соскучилась по ней.

Взгляд Медведева становится глухим, словно стена.

— Она заснула...

Глава 19

Влад

Шасси с глухим звуком касаются обледеневшей полосы, и воспоминания накатывают на меня ледяной волной.

Городок N.

Здесь осталось мое странное ледяное счастье с Девой. Я любил ее тихо, покорно, был готов ради нее на все: на разрушение, вечное служение, ледяное забвение. На смерть.

Взгляд сам собой устремляется вперед, в бизнес-класс, где мелькают знакомые огненные локоны. Адила. Это другое. Совсем другое.

Не покой и не служение. Это ураган. Жгучая дикая страсть, которую я не в силах обуздать. И ради которой хочется жить.

Мы с ней как огонь и лед, нас неудержимо тянет друг к другу, но, едва соприкоснувшись, мы шипим и отскакиваем, оставляя на душе ожоги и раны.

И сладкий вкус поцелуя с ароматом сандала и кардамона.

Глядя сейчас в заснеженный иллюминатор, я уже не могу понять, что же на самом деле я чувствовал тогда, шестнадцать лет назад.

Потому что все мое существо заполнено жарким, навязчивым желанием обладать этой драконицей. Оно пульсирует во мне, растет с каждым ударом сердца, заставляя кровь бежать быстрее.

Даже ловлю себя на мысли, что, покончив с Медведевыми, я, быть может, вернусь к ней. Переступлю через свою проклятую гордыню и опущусь на колени. Потому что сейчас здесь мой путь к мести кажется безрассудно неправильным.

Я будто иду сквозь вьюгу и ледяной дождь к краю пропасти, который не вижу, но чувствую кожей. Что-то здесь грозит сломать меня, вырвать с корнем последнюю опору. Или это кто-то...

— Оставишь ее? — над самым ухом раздается спокойный голос уродца. — После того, что вы творили в туалете?

— А ты подглядывал, извращенец? — фыркаю, чувствуя, как по спине пробегает знакомый зуд.

— Нет. Но по вам обоим было все видно. Зачем ты сопротивляешься? Сам же мучаешься. Разве не видишь, что в этой девочке твое спасение?

— Когда мне захочется исповедаться и поболтать о спасении, я обязательно позову тебя, — отрезаю, сжимая кулаки. — Бери сумку и пошли.

Город изменился. Он погребен под толстым слоем снега, и холод здесь стоит такой, что даже меня, ледяного Змея, пробирает до костей неестественной дрожью.

— Ловим такси и едем в мое поместье, — бросаю Горану, — гляну, что осталось, а потом наведаюсь к Медведевым.

Уродец молча кивает. Народу на улицах почти нет. Пустота давит на плечи, становится трудно дышать. Я смотрю в запотевшее стекло такси.

— Зря вы сюда приехали, — вдруг говорит уставший пожилой водитель. — Здесь поселилось зло.

Я замираю, все тело напрягается. Что-то не так...

— Что вы сказали? — пристально смотрю на таксиста, понимая, что его голос кажется мне смутно знакомым.

— Я сказал... — его голос внезапно становится низким, шипящим, и затем...

— ТЫ МОЙ! — он резко оборачивается, и я вижу не лицо старика, а черные пустые глазницы, крючковатый нос и сине-фиолетовую мертвенную кожу.

— Нет! — вырывается у меня низкий рык. Эта ледяная мразь решила поиграть со мной? Что за дешевые трюки?!

— Что вы сказали? — моргаю, и видение рассеивается.

Передо мной испуганное лицо обычного таксиста. Во взгляде Горана читаю понимание. А вот я ничего не понимаю.

Расплачиваемся и выходим на промерзшую улицу. Тихо. Жутко.

— Мда, — смотрю на покосившиеся кованые ворота своего имения. Сердце сжимается от горькой обиды. — Медведев бы хоть на муниципальный учет дом поставил. Такое ощущение, что за моим поместьем никто и не следил.

— Что ты увидел в такси? — не унимается Горан.

— Не твое дело, — отмахиваюсь, достал уже своими вопросами. — Здесь, поди, даже отопление отключили. Ладно... тогда сразу пойдем к Медведевым. Тут не так далеко.

Сумерки сгущаются. Горан шагает рядом, а я пытаюсь пробиться сквозь толщу воспоминаний к тому, что чувствовал шестнадцать лет назад.

Но вместо ледяной ярости нахожу лишь пепел. И сквозь этот пепел пробивается жгучий образ Адилы: ее губы, запах, дерзкий взгляд. Я отчаянно гоню эти мысли прочь.

Но вместе с этим до боли в сердце хочу эту девчонку.

Дом Медведевых на самой окраине. Высокий, белокаменный, он кажется единственным островком жизни в этом царстве ледяного безмолвия.

— Что ты хочешь там увидеть? — продолжает бесить меня Горан.

— Пока я гнил в клетке, они наслаждались жизнью, — отвечаю, но уже не ощущаю прежней убежденности. — Что ж, пришло и мое время порадоваться.

Копаясь в себе, словно в старом сундуке, пытаюсь отыскать испепеляющую ненависть, что пылала во мне шестнадцать лет назад. Ту ярость, что была замешана на больной любви и отчаянной жажде вернуть то, что ушло навсегда.

Сам не замечаю, как оказываюсь у дверей их дома. Один.

Уже совсем стемнело, с темно-серого тяжелого неба падают редкие снежинки, освещенные тусклым светом фонаря.

Поднимаю руку и стучу. Вокруг царит тишина. Дверь открывается. И на меня смотрят большие карие глаза. Такие же, как у Кристины. Но это не она.

Передо мной стоит молодая девушка с длинными каштановыми волосами. У нее их черты: нос Ефима, форма лица Игоря и волнистые локоны их охотницы.

— Здравствуйте, — говорит девушка робко, смахивая с ресниц хрустальную слезинку. — Вы Змей? И вы пришли мстить?

— Я... — начинаю, осекаясь. Чувствую себя жалким.

В этот миг все внутри замирает. Ярость, боль, жажда возмездия — все растворяется в оглушительной абсолютной тишине.

— Валах... — слышится сзади хриплый, до боли знакомый голос.

Я медленно разворачиваюсь. Сердце замирает.

— Медведев...

Глава 20

Влад

— Я ждал тебя, Валах, — Игорь Медведев делает шаг ко мне.

Его глаза, затянутые мутной белесой пеленой, неотрывно следят за мной. Я пытаюсь в них взглядеться, найти хоть одну искру, что разожжет во мне прежнюю ярость.

Но нахожу лишь пепел. Глухую, всепоглощающую пустоту, где раньше бушевала ненависть. И не понимаю, что же мне теперь делать.

Напасть? Но зачем? Какой смысл теперь во всей этой мести?

Медведь выглядит ужасно. Он осунулся, под глазами залегли густые фиолетовые тени, а в самой его позе читается неподдельная, выматывающая усталость. Сон Кристины высасывает из него жизнь. Это физически ощутимо.

— Папа! — Девчушка стремительно оббегает меня и встает между нами.

— Поля, отойди, милая, — голос Игоря смягчается, становясь до непривычного ласковым. Никогда не думал, что этот жестокий медведь способен на такую нежность. Он изменился.

— Он не опасен, правда ведь, Змей? Ты ведь больше не служишь злему духу? — Полина оборачивается, и ее огромные карие глаза, полные веры, смотрят с наивной надеждой.

Что я могу ей ответить? Я пришел сюда, чтобы сеять смерть и разрушение. Чтобы уничтожить своих врагов.

Но сейчас я не вижу их перед собой. Настоящий враг проявился в такси — ледяной призрак Мороза. В какие же жуткие игры пытается втянуть меня этот замороженный ублюдок?

— Ты... — Игорь прищуривается, и в его глазах вспыхивает знакомый огонек. — Чего стоишь? Пришел мстить? Вот он я! Давай!

Он широко распахивает руки, и на губах белого медведя появляется бесаячая ухмылка. Но даже она не может заставить мою кровь вскипеть.

А вот Змей внутри меня пробуждается. Он шипит, извивается, наполняя рот ядовитой слюной. Он жаждет одного. Вонзить клыки в мощную шею белого медведя.

Он видит в Медведеве врага.

Я уже нет.

С каждой секундой во мне отслаивается. Ледяная скорлупа Змея трескается, обнажая нечто более древнее и темное. Но что это? Я не помню. Я забыл свою истинную суть. Все забыл.

— Змей, — Полина делает шаг в мою сторону, но Игорь резко оттягивает ее назад. — Папа! Не надо... он...

— Я не трону тебя, — с моих губ срывается хриплый шепот. И в этот миг адская боль, будто раскаленный клинок, вонзается в виски.

Из горла вырывается нечеловеческое шипение. Я падаю на колени, обхватывая пальцами голову, пытаясь выдавить оттуда наваждение.

Господарь Влад...

Господарь...

Что это за голоса? Откуда они? Чьи? Они сплетаются в единую, сводящую с ума какофонию. Мужские, женские, детские.

— ШШШШ! — Отчаяние и боль выталкивают наружу единственное доступное убежище — личину Змея. Но, обретая контроль, он не защищает, а нападает. Мое тело, больше мне не принадлежащее, молниеносным рывком бросается к Полине. Игорь с ревом отталкивает дочь за спину, и в следующее мгновение на его месте уже стоит огромный белый медведь.

Дальше все как в кровавом тумане. Змей, почуяв слабость противника, истощенного сном истинной, впадает в ярость. Я всего лишь пассажир в собственном теле, парализованный ужасом.

Беспомощно наблюдаю, как клыки впиваются в плоть, слышу хруст и терпкий запах медвежьей крови. Меня от этого тошнит.

Как я мог это допустить? Как мог на миг утратить контроль?

Ледяная зараза ухватила за соломинку. И теперь я своими руками рву хрупкую нить, что едва успела связать меня с тем, кто уже не кажется врагом.

Мы с белыми медведями не враги. Мы враги Мороза. Так зачем же...

— ШШШШ! — Челюсти смыкаются на могучей шее Игора. Змей, набравшийся сил за годы сна, слишком силен. Я бесполезен, черт возьми, абсолютно бессилен что-либо изменить!

— СТОЙ! — Тонкий, но властный крик проникает в сознание, и сердце пронзает такая боль, что даже одержимый Змей вздрагивает. — Отпусти его!

— ПАПА! — Туман в голове рассеивается, и я, наконец, вижу весь ужас происходящего. Повсюду кровь. Мы изранили друг друга. Боль, наконец, прорывается наружу, разливаясь по телу огненной лавой. Медведь лежит, тяжело и хрипло дышит.

Я отползаю, чувствуя, как встают дыбом ледяные чешуйки. Что я натворил...

— Влад! — Адила замерла у черного лимузина. Рядом с ней беловолосая охотница с нечитаемым выражением лица. Ефим уже мчится к своему сородичу.

— Что ты наделал?! — ревет он, закрывая собой плачущую дочь. — Мало тебе было крови шестнадцать лет назад?!

— Шшш... — Змей злобно шипит, но я заточен в хрупкий кокон собственного сознания. В голове снова вспыхивают голоса, которые звучат набатом, словно напоминая о том, что я забыл...

Господарь Влад...

Да здравствует господарь Влад!

— ШШШШШ!

— Не трогайте его! — Голос Адилы полон боли. Я причинил ей эту боль. Но я не хотел. Почему все так обернулось? Неужели я и вправду... чудовище? Зло?

Давящее чувство вины становится невыносимым. Я срываюсь с места и ползу по окровавленному снегу, бессмысленно и беспомощно. Прочь от этого дома. Меня не останавливают.

Я лишь чувствую за спиной взгляд истинной и ту огненную нить, что тянется от моего разбитого сердца к ее.

Адила проникла под кожу. И только она может вытащить меня из этой тьмы.

Но позволю ли я? Достоин ли спасения?

Я ползу... ползу... ползу...

Крупные тяжелые хлопья снега падают с неба, прикрывая собой следы крови. Раны от медвежьих клыков уже затягиваются, но внутренняя боль разъедает меня живьем. Я не замечаю, как оказываюсь у ворот своего заброшенного поместья.

И последнее, что вижу, прежде чем тьма поглощает меня полностью — это белые, как снег волосы и два алых кровавых глаза в темноте.

— Вот вы и дома, господарь.

Глава 21

Адила

После слов Ефима я замираю. Их истинная спит. Лезу в сумку и достаю свой список.

Я не бесчувственная, просто пытаюсь ухватиться за логику, за цифры. Хоть за какую-то ясность в этом хаосе. Иначе сойду с ума.

— Вы плохо выглядите, — тихо, почти беззвучно говорит Ксения, и в ее голосе слышится неподдельная тревога, — Ефим Михайлович.

Тот тяжело вздыхает, и его усталый взгляд скользит по лицу охотницы.

— А ты выросла, Ксень. Внешне почти та же, а в глазах огонь погас. Скажи, оно того стоило?

Автоматически вывожу в списке в колонке «Сон» имя «Кристина Медведева». Чернила будто жгут бумагу.

— Я не могу его простить, — выдыхает Ксения, и ее голос звучит тонко, надтреснуто. — Понимаете? Вот представьте, если бы Кристина... если бы вы застали ее в постели с другим? Простили бы?

Во все глаза смотрю на охотницу, и сердце сжимается от чужой боли. Так вот что сломало эту стальную девушку! Ей изменил истинный! Даже не представляю, насколько это больно. Невыносимо.

— Я бы выслушал ее, — тихо, без осуждения произносит Ефим. — Не осуждаю тебя, Ксю. Ты выбрала свой путь. Просто мне интересно... стоило оно того? Васька ведь тоже пропал...

Ксения вздрагивает, будто ее ударили по лицу. Маска суровой безразличной охотницы на мгновение осыпается, обнажая израненную одинокую женщину. Мы все здесь, словно сгустки боли, закованные в плоть. Я не одна такая.

— Адила, — обращается ко мне Медведев, и его взгляд, тяжелый и пронзительный, заставляет меня встрепенуться. — Ты ведешь список уснувших?

В его глазах читается не только любопытство, но и какая-то горькая тень восхищения.

— Да, — отвечаю, откидываясь на спинку стула. — Хочу понять систему. Уверена, она есть. Надо лишь ее найти.

— Истинная Валаха, значит? — Ефим прищуривается, затем протягивает ладонь. — Дай посмотреть.

Я подаю ему блокнот. Ксения неподвижно стоит у окна, глядя на бесконечный танец снежинок за стеклом. Мне так хочется ее утешить, обнять, но я не знаю, уместно ли это. Иногда истинные бывают настоящими ублюдками.

— Древние... — белый медведь почесывает подбородок, вдумчиво изучая мои записи. — И молодежь. Те, кто связан с Морозом. Позволишь высказать предположение?

— Да кто ж вам запретит, — отвечаю, пытаюсь скрыть за широкой улыбкой нарастающую тревогу.

— Свезло же ему, — усмехается Ефим, но в усмешке нет злобы. — Смотри. Я вижу три категории неспящих. Первая: Древние. Насколько я понимаю, ни один Древний не заснул.

— Так и есть, — подтверждаю его слова. — В моей семье заснули папа Саид и Ичи. Папа Али — реинкарнация Древнего дракона, а мама — Древней лисицы. Они бодрствуют.

— Верно. Дальше. Молодежь. Не заснули те, кто как-то взаимодействовал с Морозом. Марья, Драган, Егор, Настя... при том, что Ликара и остальные спят.

— Но Гордей тоже спит, — возражаю. — Брат Марьяши не вписывается.

— Он не пересекался с Морозом или его приспешниками. Все логично. Я знаю этого ублюдка, — по спине пробегает холодок от низкого рыка Медведева. — Он мстит. Усыпляет выборочно, чтобы оставить тех, кто должен стать свидетелем его триумфа. Живыми зрителями его ледяного ада.

— То есть... — начинаю, и у меня перехватывает дыхание.

— Молодое поколение. Он убил Вука, следом забрал Мару. Очевидно, эти двое насолили ему особенно и были опасны для его планов. Мороз хочет, чтобы вы смотрели. Нас с Игорем он усыпить не может, Валаха тоже. Древние, полагаю, ему не по зубам. Все остальные... уснут.

Ничего себе! Он так просто, так четко разложил все по полочкам, над чем я билась часами. Умный же этот мишка.

— Я и не думала... искала одну закономерность, единую группу..., а тут... — мой голос дрожит, и я бессильно сжимаю кулаки. — Но зачем усыплять, если можно убить?

— Они ему нужны, — звучит холодный ответ, и от этих слов кровь стынет в жилах.

Ефим пристально смотрит на меня. Неужели Мороз хочет использовать наших спящих близких в своих мерзких, леденящих душу целях?

— Я не позволю! — с губ срывается рык, и в груди вспыхивает знакомый огонь.

— Сразу видно, драконица, — вздыхает Ефим, окидывает меня теплым взглядом. — Адила, ты одна не справишься. Давай возьмем твой список и поедем к нам. Игорь скорректирует мои догадки, он с Морозом боролся больше моего.

— Хорошо, — киваю, чувствуя, как слабеют ноги.

Мы собираемся и выезжаем к дому Медведовых. На душе скребут кошки. Чувствую себя беспомощной, крошечной. Ничего не могу сделать! Никому не могу помочь!

Но когда мы подъезжаем... мир рушится окончательно.

— Твою мать! — Ефим, увидев схватку Змея и белого медведя, выскакивает из машины. Я следую за ним, как во сне.

И тут меня парализует.

— ВЛАД! — мой крик звучит чужим прерывистым эхом.

— Адила, что с тобой? Ты вся белая... — голос Ксении доносится будто сквозь толщу воды.

— Хватит уже ненависти... хватит боли... — шепчу я, и адская боль раскалывает череп.

Виски сжаты в тисках, в ушах только оглушительное навязчивое шипение. Все плывет перед глазами. Влад... остановись...

— Все хорошо, — пытаюсь убедить себя, но голос не повинует. — Хорошо...

— ВАЛАХ! — ревет Ефим, но сквозь гул я чувствую не ярость, а леденящий душу страх. Я боюсь за своего истинного. Этого не может быть. Он не мог! — Что ты наделал? Мало тебе было крови шестнадцать лет назад?!

Нет! Не трогайте его! Пожалуйста...

— Не трогайте его! — кричу, делая шаг, но мир крутится, плывет. Змей... он выглядит как побитый, загнанный зверь. Съежился, и его взгляд... Боги! Он смотрит на меня. И в этих ледяных бездонных глазах одна лишь всепоглощающая вина!

— Ты не виноват, — успеваю прошептать, прежде чем тьма накрывает меня с головой.

Глава 22

Адила

— Адила! Эй, очнись! — Голос Ксении пробивается сквозь густой туман, затянувший сознание. Я медленно открываю веки, чувствуя боль во всем теле. — Проснулась! Мы уже боялись, что Мороз забрал и тебя.

С трудом приподнимаюсь. Все кости ноют, будто меня переехал каток, а в висках пульсирует тупая, изматывающая боль. Передо мной четверо: Ефим Медведев, его дочь Полинка, Ксения и Игорь. Длинноволосый медведь сидит, сжимая зубы, и туго бинтует окровавленную рану на животе.

Неужели это сделал Влад?

— Твой Валах все так же силен, — раздается его хриплый рык, и я вся сжимаюсь внутри. Где он сейчас? Один в этой ледяной пустоши.

Они враги моего истинного? Голова отказывается это понимать. А по спине ползет холодок страха. Мне здесь... действительно страшно.

— Не бойся, мы его не тронули, — Ефим встает. Он снимает пиджак, закатывает рукава. Электричества нет, и весь мир словно съехал до островка тепла, отбрасываемого дрожащими языками пламени свеч. Но они не создают уют. Лишь зыбкую иллюзию защиты перед надвигающейся тьмой.

— С ним что-то не так, — вырывается у меня помимо воли. — Он не мог. Он же...

— Убийца? — Игорь язвительно выгибает бровь. Его почти белые глаза, холодные и безжалостные, прожигают меня насквозь. — Это факт.

— Мы все тут не подарок, — огрызаюсь. Пытаюсь встать, но ноги подкашиваются. Пытаюсь расправить крылья, а они не слушаются. Из меня будто вытянули все силы, выкачали душу. Или это проклятое место так на меня давит?

— Но мы людей не убиваем, — чеканит Ефим ледяным голосом. — Ты хотела знать, что делал твой истинный? Убивал людей. Пытался убить нас и нашу истинную. А сегодня он бросился на нашу дочь.

«Не мог!» — кричит во мне что-то вопреки логике и доказательствам. Я просто чувствую это нутром, каждой частицей своей сущности. Мама учила меня верить в истинность. И я верю. Слепо, отчаянно, вопреки всему.

Зачем я вообще сюда приехала? От бессилия на глаза наворачиваются предательские слезы. Я не злюсь на мишек. Просто до смерти волнуюсь за него.

— Оставь ее, Ефим, — неожиданно вступается Игорь. Его голос становится усталым, сочувствующим. — Не видишь? Это и есть истинность. Ей плевать на то, скольких он убил. Да и к тому же...

Он, кряхтя, поднимается, затем подходит ко мне.

— Мы чем лучше?

— Ты серьезно? — Ефим смотрит на него с недоверием.

— А что? По воле Мороза мы убивали. Людей, духов. Ты забыл? Те темные мрачные зимы?

Ефим молча играет желваками. О каких зимах говорит Игорь? Какие тайны скрывает это ледяное царство?

— Все, кто служит Морозу, обречены быть убийцами. И мы были такими... — Игорь переводит на меня тяжелый взгляд. — Если Валах, как она и говорит, не мог, или им что-то завладело... мы должны...

— Не трогайте его! — слова вырываются сами, прежде чем я успеваю их обдумать. Умоляюще смотрю в его белесые глаза. — Пожалуйста. Я найду его! Или он меня! Прошу лишь один шанс. Я увезу его отсюда, ему здесь плохо!

Это крик души. Так говорит мое сердце, разрываясь на части от тревоги и невидимой, но прочной нити, соединяющей наши души.

— Папуль, давай позволим им! — тихо вступает Полина, подходя ближе. Она доверчиво смотрит на меня. — Адила права. Змейка, он не страшный! Не злой! Я видела в его глазах грусть!

— А потом он кинулся на тебя, — мрачно бросает Ефим.

— Я тоже видел, — Игорь не спускает с меня взгляда. — Он пришел не мстить. Словно замешкался. Но потом что-то случилось. Адила. Мы в это вдаваться не будем. И сразу скажу: если твой Змей снова навредит кому-нибудь невинному, я лично порву ему глотку. Но шанс мы дадим. Забирай его. Мы не тронем.

— Спасибо, — выдыхаю, наконец, находя силы подняться. Голова кружится. — Мне нужно в отель.

— Не надо, — Ксения бережно поддерживает меня под локоть. — Останься. Комната найдется.

— Нет. Мне нужно в отель, — качаю головой, чувствуя, как метка на руке отвечает слабым, но настойчивым теплом. — Он придет ко мне. Ксень, останься. Ты тут своя. А я должна идти.

— Тебя отвезут, — жестко говорит Ефим. — Но будь осторожна, Адила. Не только Змей имеет тут власть. В воздухе витает что-то еще... что-то, чего мы пока не нашли. Оно обитает в его старом поместье.

— Там ведь тоже нет света?

— Электричество есть лишь в самых важных точках. И то мы еле держимся. Колодцы замерзают, дороги замедает. Хорошо, что пока летают самолеты. — Он тяжело вздыхает. — Кажется, настоящий ледяной ад начнется именно здесь...

— Не начнется, — рычу, и в глазах вспыхивает драконий огонь. — Этот жалкий морозильник принес нам слишком много боли. Мы больше не позволим ему играть нашими судьбами.

— Слова дракона, — усмехается Ксения, но в ее улыбке нет насмешки, лишь усталая солидарность. — Пока мы защищаемся, Мороз будет нападать.

— Сложно предугадать его атаки, — хмыкает Ефим. — В конце концов, он пока еще в заточении. Но когда освободится...

— Третья цепь не разбита, — глухо произносит Игорь. — Но я почти уверен, чья кровь станет ключом.

Мы молча переглядываемся. Да. Кровь моего Змея. Кровь Влада. Она сможет разбить последнюю цепь. И тогда начнется война, к которой мы не готовы. Киваю, сжимая руки в кулаки.

Водитель медведей отвозит меня в отель. Здание стоит темным силуэтом в бушующей метели, лишь в нескольких окнах мерцают огоньки. Внутри тускло, пахнет деревом и холодом. На ресепшене мне вручают шерстяной плед. Единственное, что поможет согреться.

Заселяюсь в номер. Вокруг пусто и безжизненно. Подхожу к окну, кутаясь в плед, и смотрю в ночь. Снег бьется в стекло с таким остервенением, словно хочет стереть этот город с лица земли. Неужели это и есть конец? Медленная, неотвратимая смерть всего мира, а мы лишь бессильно замерли в ожидании.

Тук-тук.

Сердце останавливается, замирает на долю секунды, а затем срывается в бешеный галоп. Это он! Я чувствую его. Бурлящую боль, отчаяние и нашу связь, что тянет меня к нему, как магнитом.

Подбегаю и распахиваю дверь.

— Адила... — хрипло шепчет Влад. Он переступает порог, и дверь с грохотом захлопывается. Прежде чем я успеваю что-то сказать, обвивает меня руками, а его губы находят мои в отчаянном, жгучем, всепоглощающем поцелуе.

Глава 23

Влад

— Роксана, — хрипло шепчу, мгновенно узнавая этот голос. Сладострастный, обволакивающий, но несущий в себе холод смерти.

Она нашла меня шестнадцать лет назад. Сама. Призрак из забытого кошмара. Роксана Батори безмолвно скользила в тени, избавляя меня от необходимости самому совершать кровавые жертвоприношения.

А потом исчезла, как дым. Я так и не понял, почему она была верна мне.

— Влад, — губы Роксаны Батори растягиваются в томной, почти ласковой улыбке. Она прохладными и цепкими пальцами обхватывает мою руку, помогая подняться. — Вам нужно одеться. Негоже лежать здесь голым, в этих ледяных объятиях сугробов. Вы замерзнете насмерть.

Позволяю ей вести себя в дом. Внутри выжженная пустота. Ни сил, ни желаний. Лишь один тлеющий уголек в глубине обледеневшей груди. Слабый, но непреклонный. Моя истинная. Лишь мысль о ней заставляет сердце биться, а не просто качать застоявшуюся кровь.

— Я старалась поддерживать здесь хоть какой-то порядок, — голос Роксаны, словно шелк, скользит по пыльному воздуху. Она усаживает меня на старинный диван, обитый бархатом цвета спелой вишни. Когда-то он был моей гордостью, и местные богачи с наслаждением грели на нем свои самодовольные задницы.

— Зачем? — один-единственный вопрос, вбирающий в себя всю бессмысленность происходящего.

Роксана усмехается. За шестнадцать лет она не изменилась. Последняя из вампиров. Их расцвет пришелся на темное средневековье. В голове снова поднимается навязчивый оглушительный гул, стоит лишь коснуться памяти.

Пятнадцатый век?

Острая раскаленная игла боли в висках заставляет меня отбросить эти мысли. Роксана на вид не больше двадцати. Личико невинное, почти ангельское. Но это лишь маска. Под ней скрывается хищница, для которой не существует ни жалости, ни раскаяния.

— Вам плохо, господарь Влад, — качает головой девушка, и в ее глазах читается странная смесь преданности и печали.

— Почему ты так меня называешь? — глухо рычу я. — Что это за игры? Шестнадцать лет назад...

— Тогда вы не были так близки к истине, — ее голос звучит спокойно. — И к воплощению своего собственного плана.

— Какого плана? — я теряю последние остатки терпения, вскакиваю и в два шага оказываюсь перед Батори. Нависаю над ее хрупкой фигурой, дрожа от ярости и желания сломать эту изящную белую шею. — Я не давал никаких указаний! Ни тебе, ни этому лысому уродцу Горану, никому! — мой крик полон бессилия.

— Вы просто не помните... Из-за него... — тонкие пальцы сжимаются в кулаки, костяшки белеют. — Вы сами приказали мне служить Дрэгошу Тенару...

— Кому? — это имя отзывается смутным эхом в глубине сознания, но боль, жгучая и безжалостная, стирает все на своем пути.

— Колдуну... Но вы не помните. Все из-за них. Вы все забыли! — в ее глазах вспыхивают слезы, и это повергает меня в ступор. Она выглядит настолько искренней. Но как я... Я не мог отдать такой приказ... кому?

— Ваш приказ, господарь, — Роксана смахивает предательскую каплю с ресниц, — помогать ему. Чтобы вы могли отомстить. Но без воспоминаний вы ничего не сделаете. Часть вас до сих пор проклята и носит в себе этого монстра. Нужно избавиться от него.

— Как?

— Меч... дракона. Ваш серебряный клинок, что покоится в музее в Бухаресте. У меня уже все готово. Я жду лишь вас. Заберете меч — изгоните Змея.

— И воспоминания вернутся?

— Не знаю, — пожимает плечами Батори. — Знаю лишь, что должна привести вас к мечу. Я буду ждать вас, господарь.

Внезапно все свечи разом гаснут. И Роксана растворяется в темноте, будто ее и не было.

Я остаюсь один наедине с призраками прошлого. Делаю шаг, и воспоминания накатывают тягучей удушающей волной: светские приемы, фальшивый смех, ядовитые взгляды и ослепительный блеск огромной хрустальной люстры.

Поднимаю голову. Она все так же висит под потолком, безжизненная и пыльная. А за стенами дома воет северный ветер, напоминая о ледяном забвении.

Бреду по дому, который когда-то считал своей крепостью. Останавливаюсь у лестницы, ведущей в подвал. Туда, где я когда-то сбрасывал старую кожу. Туда, где мы с Роксаной прятали тела для ритуала. Все это было чудовищной ошибкой.

Батори...

Говорит ли она правду? Замираю. А если это ловушка? Что ждет меня в Румынии? Она говорила о проклятии. Меня проклинали? Но кто? И когда?

Ничего. Пустота. Черт! Разворачиваюсь и с тихим рыком врезаюсь кулаком в стену. С книжной полки рядом поднимается облако пыли. Я чувствую себя беспомощным ребенком, заблудившимся в лабиринте собственного разума.

Но этот огонек... этот жар в груди...

Единственное, что я знаю точно... мне нужно к ней. К моему свету. К Адиле аль Эаниф. Только в ее объятиях я найду ответы.

Ноги сами несут меня к отелю. Администратор засыпает за стойкой (хорошо, что я еще хоть что-то могу). Иду, ведомый незримой нитью, что тянется от моего сердца к истинной. Поднимаюсь на второй этаж.

Замираю у двери. Сквозь дерево чувствую исходящее тепло. Стучу.

А если она прогонит? Я причинил ей такую боль...

Дверь распахивается. И я тону в изумрудном омуте любимых глаз. Все кончено. Я пропал.

— Адил... — дыхание перехватывает. Делаю шаг в комнату, и драконица не отталкивает меня. Решаюсь на большее. Обвиваю ее руками, прижимаю к себе с такой силой, будто хочу вдавить в себя, сделать частью своей темной сущности. Девушка такая теплая, мягкая и пахнет сандалом, кардамоном и... домом. Тем домом, которого у меня никогда не было.

Или был? Но я забыл...

Целую ее. Ее губы нежные, влажные, с терпким вкусом Востока. Где-то в глубине, в самом темном углу моей души, Змей шипит и извивается. Но мне плевать. Наконец-то я там, где должен быть.

— Влад, — выдыхает Адил, ее горячее дыхание обжигает мои губы.

Я крепче прижимаю малышку к себе, боясь, что она исчезнет, растает как мираж. И я снова окажусь в том ледяном склепе, в пустом безмолвном доме. Один. Бесконечно один.

— Моя, — шепчу в сладкие губы, пьянея от ее близости.

— Твоя, — драконица прижимается ко мне в ответ, а в ее зеленых глазах, таких ясных и глубоких, блестят слезы. — Ты пришел...

Я отпускаю ее. Медленно, почти благоговейно встаю на колени и прижимаюсь лицом к ее животу, ощущая под тонкой тканью блузки живое, теплое биение жизни. Дом.

Метка на моей лопатке отвечает ей сладостной пульсирующей волной тепла. Тьма внутри корчится и шипит, но пламя моей пары дает силы дышать, жить, бороться.

Все рушится. Ненависть, ярость рассыпаются в прах. Во мне не остается ничего, кроме всепоглощающей тоски и отчаянной, жгучей потребности найти свой путь.

Ты найдешь...

Спокойный, чистый голос Девы звучит в сознании, и я наконец-то готов отпустить ее. Хватит цепляться за прошлое. Будущее... вот оно, передо мной. И у него изумрудные глаза, огненные волосы и губы, созданные для поцелуев.

— Ты проиграл, Змей, — Адила запускает пальцы в мои волосы. Сначала нежно, затем сжимает, слегка оттягивая голову назад. Она подчиняет меня, приручает. И я готов принять это. От нее я стерплю все.

— Влад, — усмехаюсь, поднимаясь и нависая над истинной. — Зови меня по имени, Адила. Мой огонек...

— А мне нравится, — она улыбается, и я жадно впитываю каждую деталь ее лица: россыпь веснушек, белую, почти фарфоровую кожу, соблазнительные изгибы губ.

И я наконец понимаю, чего хочу. Чего жаждет не Змей, не слуга Мороза, а я сам.

— Я хочу тебя, Адила, — мой голос звучит низко и хрипло, полный неподдельной животной страсти. Подхватываю ее на руки и несу к кровати...

Глава 24

Адила

Я смотрю на своего истинного, склонившего передо мной голову, и не чувствую ни триумфа, ни злорадства. Лишь умиротворение, разливающееся теплом по телу, и уверенность в том, что все происходит именно так, как и должно быть.

Зарываюсь пальцами в его длинные густые волосы, и с губ срывается едва слышный предательский стон. Метка становится еще одной эрогенной зоной, превращая мое тело в пульсирующий нерв.

— Ты проиграл, Змей, — выдыхаю, но понимаю, что это не его поражение. Это наша общая победа. Потому что мы, наконец, вместе.

— Влад. Зови меня по имени, Адила. Мой огонек... — его голос, низкий и хриплый, обволакивает меня, как бархат ночи.

От этого простого прозвища во мне вспыхивает новая волна жара. Все недавние мысли об отказе от истинности кажутся сейчас смешными и нелепыми. Как я могла даже думать о таком? В этот миг я ощущаю себя на удивление хрупкой и безмерно счастливой.

— А мне нравится, — отвечаю, и румянец заливаает мои щеки под пристальным пылающим взглядом Валаха.

Влад резко поднимается. Нависает надо мной, отбрасывая тень, в которой тонут все мои страхи. В его темных бездонных глазах я вижу лишь очищающую страсть и голодное животное желание, от которого сердце начинает колотиться в бешеном лихорадочном ритме. Я замираю, завороченная, впитывая каждую черту его прекрасного сурового лица.

И тут...

— Ай! — вскрикиваю от неожиданности, когда Влад могучим движением подхватывает меня на руки и несет к постели. Неужели... прямо сейчас произойдет... то самое? С моим истинным? Значит, он все-таки выбрал меня?

Валах мягко опускает меня на ковер у самой кровати, и ноги едва меня держат.

— Адила, — прежде чем я успеваю что-то сказать, его губы налетают на мои, словно ураган, сметающий все на своем пути.

Мир сужается до точки. Все мысли растворяются в огненном вихре ощущений. Я таю под натиском его губ, властного языка, сильных рук, сжимающих мое тело. Все эти чувства новые, ослепительные, пьянящие. И они прекрасны.

— Влад... м-м-м... — наш поцелуй превращается в порочный сладкий бой, где я пытаюсь отвоевать свое, но мужчина сильнее, опытнее, и я с наслаждением позволяю ему доминировать.

Его ловкие пальцы уже расстегивают пуговицу моих джинсов, и я вся трепещу в предвкушении нашей первой ночи. Ледяной мир за окном, все наши беды и битвы — все остается за этой деревянной дверью. Здесь и сейчас есть только мы.

Закрываю глаза, полностью отдаваясь захлестывающей волне желания. Сопротивляться? У меня нет ни сил, ни воли.

— Моя огненная девочка, — бормочет Влад, снимая с меня джинсы, и по моим обнаженным бедрам бегут мурашки, — ты прекрасна...

— Ах! — мой стон разрывает тишину, когда обжигающе горячий язык истинного скользит по шее, — Влад... боги...

— Моя, — низко рычит Влад, слегка прикусывая нежную кожу, его губы впиваются в пульсирующую венку. Дрожащими пальцами пытаюсь расстегнуть его рубашку. Проклятые пуговицы не поддаются.

— Твоя, — наконец-то распахиваю рубашку, и дыхание перехватывает от вида его сильного, рельефного, совершенного тела. — Ты точно шестнадцать лет проспал? Или по ночам вылезал и бежал в качалку Гильдии?

— Коснись меня, — рычит Валах, ладонями сжимая мои ягодицы, и я с наслаждением провожу руками по мощной груди, ощущая под пальцами упругие мышцы. Он не уступает в силе даже дракону.

Побуждаемая внезапной смелостью, я приникаю губами к его горячей коже. Да, я невинна, но сейчас мною правит желание. Утром, возможно, мне будет стыдно за свою дерзость. Но сейчас в мире остались только я и мой истинный.

— Моя гордая... девочка... — его шепот пьянит сильнее вина. Влад задирает мою футболку, — без лифчика не холодно?

— М-м-м! — выгибаюсь дугой, ощутив прикосновение его пальцев к груди. Влад сжимает ее, оттягивает упругие соски, и похотливый рык, вырывающийся из его груди, заставляет все мое нутро сжаться в сладком предвкушении. — Да... вот так...

— Хорошо? — он усиливает давление, сжимая сильнее до приятной дурманящей боли.

— Да... да! — мой стон эхом разносится по комнате, и я впиваюсь зубами в собственную губу, пытаюсь сдержаться.

Опускаюсь пальцами к его джинсам. Легкая робость сковывает движения. Я ведь никогда не прикасалась к мужчине там... и даже не видела..., но желание доставить ему удовольствие оказывается сильнее страха.

— Не бойся, — ободряюще мурчит Влад, — коснись меня, девочка...

Я робко обхватываю ладонью его напряженный, обжигающе горячий член. Он такой твердый и в то же время шелковистый.

С губ Влада срывается шипение, а длинные пальцы продолжают свои мастерские ласки, заставляя меня терять голову. Я вся горю от желания подарить ему наслаждение.

— Адила... как же я... жил... без тебя... — хриплый и прерывистый шепот звучит как самое сокровенное признание. Змей опускается губами к моей груди и втягивает в рот сосок.

— А-а-а! — мой крик полон чистейшего наслаждения. Боги! Я обожаю истинность за эти ощущения! Извиваюсь в его цепких объятиях, не в силах сдержать жарких откровенных стонов.

Мы погружаемся в омут взаимных ласк, наполняя друг друга жаром и трепетом. Сгораем заживо, и в этом огне нет места прошлому.

Влад подталкивает меня к постели. И тут на краю ложа меня настигает внезапная холодная дрожь страха. Как это будет? Больно? Очень? Я смотрю на простыни и замираю в нерешительности.

— Не бойся, — хриплый шепот ласкает мое ухо, а руки мягко, но властно притягивают меня к себе, — я буду нежен с тобой. Клянусь.

— Я верю тебе, — сглатываю подступивший к горлу ком. Влад укладывает меня на постель. Нависает надо мной. Его губы и руки вновь принимаются нежно терзать мое тело. Я забываю обо всем на свете, отдаваясь этому всепоглощающему огню со всей страстью, на какую способна.

Я так счастлива познать самую сокровенную грань любви.

Свечи, любезно предоставленные администратором, одна за другой гаснут, их пламя сдается под натиском нашей страсти. За окном беснуется вьюга, но в моем сердце пылает собственный согревающий огонь.

Я смотрю в темные бездонные глаза истинного и вижу в них свое отражение. Растрепанная, покрасневшая, смущенная и бесконечно счастливая.

— Ты моя... только моя, — нежно произносит Влад. Резкий толчок и я чувствую, как он входит в меня. Ослепляющая острая боль на мгновение пронзает низ живота, но почти сразу же отступает, смываемая накатывающей волной сладкой незнакомой наполненности. Пульсация метки смягчает боль, рассыпая по всему телу глубинное сокровенное удовольствие.

— А-а-ах! — я дрожу, переполненная новыми оглушительными ощущениями.

— Больно? — в голосе Влада слышится тревога.

— Нет... хорошо... продолжай, — шепчу, прижимаясь к его обнаженному телу, ощущая каждым мускулом мощь и силу своего Змея.

В этот миг мы единое целое.

Ноющая боль окончательно отступает, уступая место нарастающему всепоглощающему удовольствию.

Я обвиваю ногами торс Влада, впиваюсь пальцами в напряженные мышцы спины, умоляя двигаться глубже, быстрее.

Тугая пружина, сжимающая до боли низ моего живота, наконец, срывается. С оглушительным криком из меня вырывается волна бесконечного, ослепительного наслаждения. Это... оргазм?

Влад с глухим рыком совершает последние мощные толчки и замирает, обмякая на мне. Я глажу его сильную спину, ощущая под пальцами шрамы.

— Я люблю тебя, моя драконица, — искренне выдыхает, — боги... как же я тебя люблю...

— И я тебя люблю, — улыбаюсь, чувствуя, как истинный мягко выходит из меня. По моим бедрам стекает его семя, и в голове рождается странная, умиротворяющая мысль...

Интересно, каким будет наш малыш?

С этой сладкой сокровенной мыслью я проваливаюсь в блаженный сон...

Глава 25

Влад

Сколько прошло времени? Час, два, пять? Снежная буря за окном не утихает. А я лежу в постели, не в силах оторвать взгляд от своей спящей драконицы. Не могу поверить. Мне, проклятому ледяному Змею, даровали такую красоту.

Гордая, но в моих объятиях такая податливая и доверчивая.

Ее белая кожа нежнее первого снега, а россыпь веснушек на щеках, словно далекие созвездия, которые мне суждено открыть.

Уснуть так и не удаётся. Как только блаженная нега после оргазма отступила, голову заполонил рой тягостных мыслей. Сжимая в руках теплое безмятежное тело истинной, я вдруг с леденящей душу ясностью осознал: не хочу, чтобы это заканчивалось. Никогда. И от этой мысли мне стало мучительно больно за этот мир, обреченный на ледяную гибель.

Потому что сейчас в этой постели посапывает мое будущее. Единственное и ненаглядное. И я не могу допустить, чтобы её у меня отняли.

Адила растопила мою ледяную крепость изнутри. Смахиваю огненную прядь с ее щеки и замираю на миг, ощущая шелковистость ее кожи.

— Люблю, — шепчу, пробуя на вкус это странное, давно забытое слово. Сотни лет я служил и за любовь принимал нечто совершенно иное. Благоговейный трепет, преданность. У меня не было физического влечения к Деве.

Я любил ее, как холодное недостижимое божество. Как ту, что единственная протянула руку в кромешной тьме моего одиночества.

А с Адиллой все по-другому. Это жгучее, безумное чувство, словно путы, из которых не хочется освобождаться. Это огонь в жилах. Это бешено колотящееся живое сердце в моей ледяной груди. А я-то думал, оно замолкло навеки.

Сажусь на кровати, зарываюсь пальцами в волосы.

Вместе со жгучей любовью пришла ответственность. Адила — дракон, но одна она не сможет устоять против Мороза.

А я смогу. Откуда эта уверенность? Не знаю. Просто где-то в глубине души, под слоями льда и чужих воспоминаний клокочет ненависть такой силы, что ее должно хватить, чтобы уничтожить этого ублюдка.

В голове всплывают слова Батори о мече. Я должен достать меч дракона. Не помню, что это, но образ серебряного клинка отзывается в груди странным знакомым теплом.

Змей внутри шипит, почуяв угрозу, но впервые я с легкостью, почти небрежно заталкиваю его в самые темные глубины своего естества.

Отныне эта тварь не посмеет вылезать без моего разрешения. Поднимаюсь и иду в ванную. Включаю свет и гляжу в зеркало.

В глазах, веками хранивших лишь холод и пустоту, горит искра жизни. Значит, я должен бороться. Но не с Медведевыми — эта месть теперь кажется детской забавой. Мне предстоит сразиться с ледяным чудовищем, которое жаждет отнять у меня то, что я обрел этой ночью.

Прикасаюсь ладонью к груди. Под кожей отчаянно стучит сердце. Впервые за долгие-долгие годы. Снова поднимаю взгляд на свое отражение и...

Господарь Влад! Господарь! Наконец-то вы вернулись!

Голоса, полные благоговения и надежды, оглушают. Я сижу на вороном коне, облаченный в прочные кожаные доспехи. Куда я еду? Не помню...

Вижу лишь ликующие, но изможденные лица. Грязные лохмотья, кожу, почерневшую от сажи и солнца. Дети бегут за моим конем, протягивая худые ручонки.

Я слезаю с лошади. Сапоги с глухим чмоканьем вязнут в раскисшей от дождей земле. Тянусь к рукояти длинного серебряного меча в потертых ножнах. Мой меч.

Захожу в высокую каменную крепость. Внутри, в моих покоях, пахнет воском и сушеными травами.

Массивный дубовый стол завален картами и свитками. На каменном полу шкуры медведей. На стенах гобелены, изображающие сцены охоты и битв. В углу стоит тяжелый сундук с железными оковами. В огромном камине потрескивают поленья, отбрасывая танцующие тени на резные балки потолка. Воздух густой и пряный.

Я скидываю тяжелую броню. Выхожу на узкий балкон, вцепившись пальцами в холодный камень парапета. А внутри пустота. Отчего-то мне невыносимо грустно, но я не могу вспомнить причину.

Осматриваю свои владения: крыши домов, извилистую ленту реки, темный лес на горизонте.

— Господарь Влад, — сзади раздаётся скрипучий старческий голос, и тут мою голову пронзает адская боль, — добро пожаловать домой.

Мираж рассыпается. Я стою в ванной, тяжело дыша, и смотрю на свое бледное отражение в зеркале.

Что это было?! Я был... собой, но другим.

Голоса в голове нарастают, превращаясь в оглушительный гул. Стук в висках становится невыносимым.

Любая попытка докопаться до воспоминаний заканчивается новой волной агонии. Словно нечто, сидящее глубоко внутри, намеренно скрывает правду.

Вопросы множатся, а ответов больше не становится.

Кем я был? Господарь... Насколько я помню, такой титул носили правители Валахии в Средние века. Темное кровавое время. Война с османами и... Влад Третий. Пронзительная боль на миг ослепляет.

Падаю на холодный кафельный пол, корчась в немой агонии. Я подобрался слишком близко. Неужели это мое прошлое? Валахия... я Влад Третий? Господарь Влад?

Но почему тогда я здесь? Кем я был до того, как стал слугой Мороза? Официальная биография: я родился в ледяной пещере на Севере. Не знал ни матери, ни отца. Ложь. Все это была ложь!

Новые вспышки боли не дают мыслить. Я с трудом поднимаюсь, умываюсь ледяной водой и возвращаюсь в спальню. Сажусь на край кровати и смотрю на спящее личико самой важной женщины во всех моих жизнях.

Адила...

Да, этой ночью я сделал ее своей женщиной. И я жажду ее снова... но...

— Ммм, — она переворачивается на спину, и одеяло соскальзывает, обнажив хрупкие плечи, тонкую шею, аппетитные округлости груди.

Я не могу наглядеться. Стараюсь запечатлеть в памяти каждый ее изгиб, каждую линию этого совершенного тела: стройные бедра, красивую упругую грудь с темно-розовыми налитыми сосками.

Я беру ее ладошку в свою, прижимаю к губам, ощутив тонкий сладкий аромат ее кожи. Адила не просыпается.

— Я люблю тебя, — шепчу, чувствуя, как сердце разбивается на сотни острых осколков, — но мне нужно в Румынию.

Я не могу взять ее с собой. Если Батори, несмотря на все свои клятвы, все-таки заодно с Морозом, то это ловушка.

Я не имею права подвергать опасности свою истинную. Она должна жить. А я должен исполнить свой долг. Последний долг перед ней и перед самим собой.

Резко встаю, поднимаю с пола свою рубашку. Сомневаться нельзя. Иначе я совершу роковую ошибку. Поддамся этому новому, такому хрупкому чувству и останусь.

Но я должен хотя бы попытаться вспомнить, кто я. И вернуться к Адиле цельным. Она заслуживает только лучшего.

Натягиваю рубашку, снова склоняюсь над кроватью и прижимаюсь губами к виску Адилы. Затем к ее губам, впитывая тепло и запах.

Бесшумно выскальзываю из номера.

А в коридоре в полумраке стоит Горан.

— Ты принял решение? — спокойно спрашивает, будто ждал меня здесь всю ночь.

— Да. Я все еще ничего не помню, но путь вижу ясно. Останься с ней. Отведи к Медведевым, пусть они защитят ее. А я...

— Полетишь домой? — уродец прищуривается, и в его глазах появляется нечто похожее на понимание.

— Да... домой... — я уже даже не спрашиваю, что он имел в виду. Все равно не скажет. Ответы я должен найти сам.

Знаю, что моя девочка будет в ярости. Будет рычать, метать молнии и, вполне вероятно, спалит дотла сарай Медведевых.

Но ей не нужен сломленный, слабый и потерянный истинный. Ей нужен тот, кто сможет по-настоящему защитить ее от зла. Ее и этот хрупкий мир, который внезапно обрел для меня ценность.

А я чувствую... в Бухаресте я найду ответы. И найду себя.

Глава 26

Адила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.